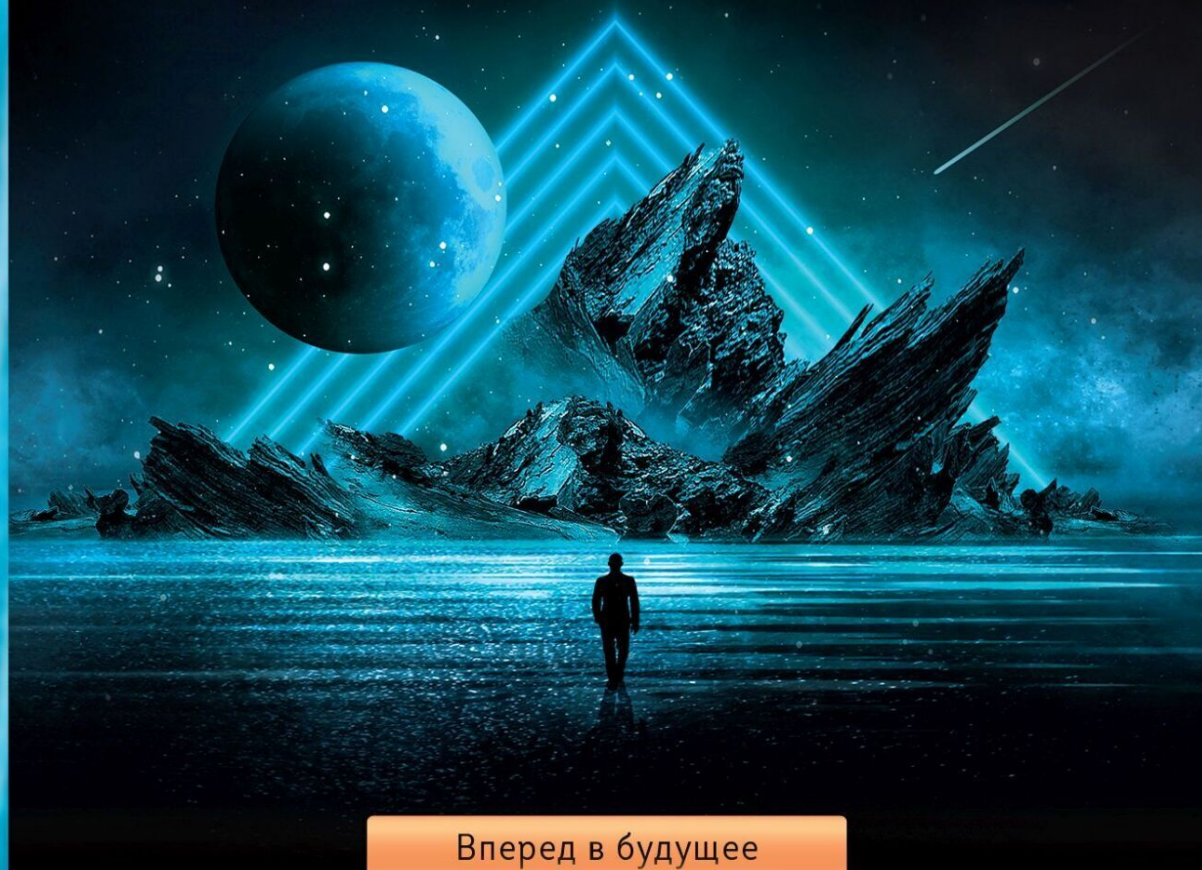


INSPIRIA

• ЭНДИ ВЕЙЕР АМОР ТОУЛЗ
ВЕРОНИКА РОТ БЛЕЙК КРАУЧ
Н. К. ДЖЕМИСИН ПОЛ ДЖ. ТРЕМБЛЕЙ

ВПЕРЕД

ПОД РЕДАКЦИЕЙ БЛЕЙКА КРАУЧА



Вперед в будущее



INSPIRIA

Universum. Технотриллер

Вероника Рот

Вперед

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Рот В.

Вперед / В. Рот — «Эксмо», 2019 — (Universum. Технотриллер)

ISBN 978-5-04-158843-4

Эксклюзивный сборник повестей ведущих фантастов и мастеров мейнстрима. Шесть образов ближайшего будущего от лауреата премии «Хьюго» Н.К. Джемисин, мастера технотриллера Блейка Крауча, создателя «Марсианина» Энди Вейера, автора «Дивиргента» Вероники Рот и других. Моральные проблемы искусственных интеллектов, квантовые компьютеры и видеоигры, клонирование и генная инженерия, климатический антропогенный апокалипсис — чем совершеннее современная наука, тем более изощренными становятся эти темы, но во главе угла остается человечность и способность сопереживать. Перед вами сборник футуристических повестей от современных фантастов и мастеров прозы, награжденных престижными премиями. Н. К. Джемисин, Энди Вейер, Блейк Крауч, Амор Тоулз, Вероника Рот и Пол Дж. Тремблей. Премия «Хьюго» за лучшую повесть. Бестселлер Amazon.com. «Этот сборник научной фантастики может похвастаться шестью историями от любимых авторов, каждую из которых можно прочитать не отрываясь». — Paste Magazine «Мне нравится именно такая тревожность, вызванная технологиями... Счастливого вечера!» — Audible «Поразительно и пугающе». — Criminal Element «Привлекательность этих историй заключается не только в том, чтобы понять что происходит на самом деле, и в том горько-сладком чувстве, которое они вызывают». — Kirkus Reviews

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-158843-4

© Рот В., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Ковчег. Вероника Рот | 7 |
| Летний мороз. Блейк Крауч | 26 |
| Глава первая | 27 |
| Глава вторая | 33 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 44 |

Сборник Вперед

FORWARD: A Collection Edited By Blake Crouch ARK by Veronica Roth © 2019

SUMMER FROST by Blake Crouch © 2019

EMERGENCY SKIN by N.K. Jemisin © 2019

YOU HAVE ARRIVED AT YOUR DESTINATION by Amor Towles © 2019

THE LAST CONVERSATION by Paul Tremblay © 2019

RANDOMIZE by Andy Weir © 2019

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

© С. Саксин, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Ковчег. Вероника Рот

Veronica Roth
Ark © 2019

Осталось два месяца

С мороза руки Саманты были все еще красными, кожа обтянула пальцы и высохла. Утром она относила припасы на «Наоми», небольшую рыбацкую шхуну, которую купила на последние деньги, пока деньги не потеряли всякий смысл.

Саманта научилась вязать морские узлы за несколько месяцев до того, как купила шхуну. В первую очередь булинь, беседочный узел, который начинается с петли на канате, а конец протягивается сначала вверх, затем вниз и сквозь нее. Как утверждалось в интернете, самый полезный узел в мире. Интернет исчез через несколько недель после этого, прямо перед самой эвакуацией.

В Библии Ной построил лодку, чтобы спастись от потопа, остаться в живых. «Наоми» не станет спасаться. У нее другая задача.

Саманта уселась на причале и подула на руки, согревая их.

* * *

– Я, – сказал Дэн, отрываясь от экрана компьютера, – был бы не прочь покурить.

Саманта была поглощена изучением образца клеточной ткани. Она рассматривала в мощную лупу крохотные листочки комка торфяного мха, стараясь сопоставить их с картинками на экране компьютера перед ней. Ей нужно было сделать выбор между *Ambuchananania* и *Sphagnum*. Листы *Sphagnum*, говорил ей экран, должны иметь крупные мертвые клетки, перемежающиеся с живыми. Нужно будет посмотреть на образец в микроскоп.

– Ты же ведь не куришь, – сказала Саманта, вставая, чтобы взять предметное стекло.

– Я *больше* не курю, – поправил ее Дэн. – Бросил в двадцать лет.

Взяв чистое стекло, Саманта снова села и потянулась за йодом.

– И вот теперь, когда ты работаешь в замкнутом помещении вместе с другими людьми, тебе вдруг захотелось начать снова?

– Ну ты сама подумай, – сказал Дэн. – Мало того что курить на кораблях Ковчега запрещено; табака там просто не будет. По крайней мере свежего. Так что разве мы не обязаны попробовать все, что могут нам предложить земные растения, пока у нас есть такая возможность?

С помощью скальпеля Саманта соскоблила образец с крошечного листочка. Раньше у нее дрожали руки, когда она выполняла такие деликатные действия, но теперь, после не поддающегося счету количества образцов от бесконечного множества растений, она к этому привыкла. Саманта окунула образец в йод, дважды нажала на него, чтобы он стал мягким, и накрыла стеклышком. Пропитанный йодом зеленый кусочек расплющился под стеклом.

Саманта положила предметное стекло на столик микроскопа и закрепила его зажимами. Ее рука автоматически потянулась к колесу грубой регулировки, приближая столик к объективу. Прильнув глазом к окуляру, она вдруг поняла, что Дэн ждет ответа.

– Я никогда не курила, – сказала Саманта.

– Что ж, – сказал он, – сейчас лучший момент, чтобы попробовать.

Сегодня утром Дэн побрился, и у него на шее до сих пор был прилеплен кусочек туалетной бумаги с красным пятнышком, там, где он зацепил себя бритвой. Широкоплечий, розовощекий, Дэн безостановочно ел с тех самых пор, как с Земли эвакуировали большинство жителей. Впереди будет достаточно времени снова прийти в форму, сидя на голодном пайке на борту космического корабля, несущегося к «Земле часть 2», как любил он говорить.

– Ну да, – неожиданно для самой себя сказала Саманта. – А почему бы и нет?

* * *

Когда ей было семь лет, сильный ветер сорвал все листья с клена, растущего во дворе их дома. Проснувшись, Саманта увидела голые ветки и лужайку, покрытую оранжево-желто-красным ковром. Ее отец все воскресенье сгребал листья в огромную кучу в дальнем конце двора, а затем, когда солнце село, поджег их.

Саманта весь день держалась от отца подальше – неблагоприятно приставать к нему, когда он занят важным делом, точнее, занят вообще чем-либо, – но когда она увидела, что он просто стоит перед кучей листьев, она накинула на себя его старую куртку и присоединилась к нему. Рукава куртки доставали ей до кончиков пальцев, согревая их, а эластичная манжета снизу гладила колени.

– Не подходи слишком близко! – сказал отец, увидев ее.

Саманта высунула руки из рукавов, чтобы ощутить ладонями тепло костра. Деревья в небольшой рощице за домом также остались без листьев, кроме сосен, отягченных иголками. Год назад отец сказал ей, что каждая зима, которую она увидит, будет одной из последних в истории Земли. После чего вскоре заснул, держа на коленях стакан виски.

Саманта подняла взгляд на силуэты ветвей на фоне раскрашенного сочными красками неба. Ветер переменялся, и ей в лицо полетели хлопья пепла, попадая в глаза. Один комок пепла упал Саманте на губы, и она слизнула его языком. У него был вкус горящих листьев, корчащихся в языках пламени, вкус старой поношенной куртки, вкус раскрывающегося в воздухе дыхания.

Вот такой же, думала Саманта, стоя укутавшись за дверью рядом с Дэном, такой же вкус и у сигарет.

* * *

Ее глаз прильнул к холодному окуляру микроскопа. Все было холодным на Шпицбергене, архипелаге к северу от Полярного круга, формально принадлежащем Норвегии. За последние несколько лет, пока обитатели Земли готовились к эвакуации, на Шпицберген хлынули ученые со всего мира, так как именно здесь находилось Всемирное хранилище семян, в котором к моменту известия о грядущем апокалипсисе было собрано уже больше миллиона образцов.

После того как двадцать лет назад был обнаружен астероид Финиш, границы потеряли какое-либо значение. Теперь все были просто землянами.

Глобальное научное сообщество принялось за работу сразу же после открытия Финиша: спасти как можно больше генетического материала с Земли до того, как произойдет катастрофическое столкновение. По всему миру разъехались исследователи, вооруженные новыми технологиями сохранения живых растений и животных, и начали собирать сотни тысяч образцов. В то же время были построены два огромных корабля-хранилища, один в Австралии, другой на Шпицбергене, получившие названия «Ковчег Флора» и «Ковчег Фауна», – и ученые начали каталогизировать всю информацию, уже полученную и ту, которая должна была поступать до самого конца. В самом начале были разговоры о том, чтобы просто загрузить все образцы на корабли, а изучить их потом. Однако пространство на кораблях было ограниченным, а очень

многие образцы повторялись. Как сказал руководитель проекта «Ковчег», лучше получить сто уникальных образцов, чем три сотни дубликатов.

«Ковчегу Флора» и «Ковчегу Фауна» предстояло стартовать через два месяца, в узком окошке времени перед самым столкновением с астероидом. Они присоединятся к остальным беженцам с Земли, направляющимся к «Земле часть 2» (официально известной как «Терра»). Никому из находящихся на борту этих кораблей людей не суждено будет увидеть новую планету, но ее увидят их дети.

Саманта подключилась к проекту «Ковчег» не с самого начала и, если честно, даже не с середины. Она пришла только тогда, когда объявили набор «рабочих Последних дней». Требования были следующие: высшее образование в соответствующей сфере деятельности, отсутствие криминального прошлого, отсутствие психических заболеваний и отсутствие близких родственников. Чтобы некому было переживать об их гибели, если Финиш объявится слишком рано или ракета не взлетит.

– Сиротки, собираемся! – Этот призыв раздавался из дверей лаборатории каждый день в одно и то же время: 11.45. Выкрикивала его молодая женщина по имени Аверилл, миниатюрная, с узкими плечами, но округлыми бедрами. Еще в раннем детстве она научилась говорить грудным голосом, чтобы перекрывать голоса двух своих братьев, и эта привычка так у нее и осталась.

Ее братья, как и родители, погибли в автомобильной катастрофе, когда Аверилл было восемнадцать лет. Здесь все знали о жизненных трагедиях всех остальных. Разговоры об этом были таким же обычным делом, как и разговоры о погоде.

Перед Аверилл стояла тележка с двумя рядами пакетов с обедом. Эти пакеты нужно было отнести настоящим ученым, работающим в отдельных лабораториях, где они выполняли более тонкую работу, чем простая сверка образцов с изображениями на экране: обеспечивали необходимые условия консервации для сохранения максимального количества видов.

– Для всех это самое любимое время, – широко улыбнулась Аверилл. – Доставка обеда. Сегодня соревнуются между собой Брендан, Алиса и Саманта.

Оторвавшись от микроскопа, Саманта подошла к тележке. Брендан, по-мальчишески крепкий, и Алиса, с зачесанными за уши сияющими черными волосами, уже стояли там. Аверилл протянула кулак с зажатыми тремя соломинками. Сначала вытянул Брендан, затем Алиса, последней Саманта.

Саманте досталась самая короткая соломинка. Она вздохнула. Практически все ученые размещались в одном здании, их лаборатории вытянулись в длинную цепочку, но для того чтобы добраться до отдаленной теплицы, принадлежащей доктору Нильсу Хагену, требовалось полностью облачаться в арктические доспехи. Сам по себе этот человек был безобидным, но дорога к нему занимала больше часа.

Аверилл вручила ей единственный термopakет, подписанный прописными буквами «ХАГЕН», и Саманта подняла его, приветствуя лабораторных батраков. Те приветственно загнули в ответ, и она отправилась за своей курткой.

* * *

Первое же дыхание ветра заставило Саманту почувствовать все те места, которые она не прикрыла: полоску кожи над щеками и ниже очков-маски, узкий тоннель с одной стороны капюшона, затянутого недостаточно туго. Она потянула вниз рукав куртки, закрывая пятно кожи на запястье, не защищенное рукавицей, и двинулась в путь.

Хаген проводил утро в теплице вместе со своими орхидеями. Все от простых рабочих до руководителя проекта «Ковчег» пытались убедить его перебраться в главное здание к остальным ученым, но он отказывался. А поскольку специалистов, способных выполнять ту работу,

которой занимался Хаген, было раз-два и обчелся – а теперь из них вообще никого не осталось, все, кроме него, уже покинули Землю, – его приходилось обслуживать. Впрочем, всю свою работу он выполнял сам, поэтому жаловаться можно было разве что на неудобства.

Все вокруг было белым-бело. Даже островерхие горы вдалеке сквозь снег и туман проглядывали лишь бледными пятнами. Саманта впервые прилетела на Шпицберген на вертолете, вечером, поэтому поселок показался ей паутиной светящихся оранжевых ниточек, тропинок, соединяющих невысокие здания. Земля сияла голубизной – зрелище прекрасное, как полотна Ротко¹, потому что все вокруг было таким пустым, что могло смять человека в крохотный комок, а затем проглотить.

Вокруг не было ни души. Здесь, на Шпицбергене, трудно было поверить в то, что миру скоро настанет конец.

Саманта добралась до теплицы; стеклянные стены отражали белизну, одновременно сверкающие и невидимые. Маленький домик Хагена стоял рядом – бурое пятно у подножия одной из гор, обнимающих небольшой поселок со всех сторон. Саманта открыла наружную дверь, скрипя снегом, и всмотрелась в наполненную теплым влажным воздухом теплицу в поисках Хагена. По большей части ученый сам приходил за своим обедом, так что Саманте даже не приходилось снимать очки. Она сомневалась в том, что он знает ее в лицо, несмотря на то, что последние несколько месяцев она раз в неделю бывала здесь. Однако сегодня его нигде не было видно.

Саманта сняла рукавицы, очки, капюшон. Развязала шарф, ощутив вкус мокрой шерсти, и расстегнула молнию куртки. Оставив все на земле у входа, она открыла дверь в теплицу.

Влажность тотчас же облепила ей щеки и ресницы. Растения росли в три ряда, с двумя проходами между ними. Куда бы ни обращала свой взгляд Саманта, она видела листья, стебли и цветки практически всех цветов радуги. Кроваво-красная *Cymbidium* с полудюжиной цветков стояла на нижней полке, губы между нижними чашелистиками тронуты белым. Рядом с ней *Oncidium*, с нежными веточками, развернувшимися в крошечные цветки, размером не больше ногтя. А за ними еще более необычные и пестрые орхидеи, чудовищного вида, с разбухшими губами и тонкими лепестками, похожими на иглы.

– Они бывают всех цветов, кроме синего и черного.

Сквозь листья и цветки Саманта разглядела согнутую спину и бледную руку Нильса Хагена, обхватившего цветок орхидеи.

– Но...

Саманта шагнула в теплицу и, забыв про пакет в руке, указала на ближайший цветок, еще одну *Cymbidium*, с малиновым центральным стержнем. Она показалась ей практически черной.

– Это просто очень-очень темный пурпур, – покачав головой, возразил Хаген. Он поднял один цветок к свету, и Саманта увидела, что он действительно темно-бордовый, цвета молодого бургундского. – И то же самое верно в отношении так называемой черной *Paphiopedilum*.

– И блистательной *Thelymitra yorkensis*, солнечной орхидеи, – добавила Саманта. Она улыбнулась, увидев недоумение Хагена. – Моя мама их обожала, они всегда росли у нас дома. Наверное, это она подтолкнула меня к занятиям биологией.

– А ваша мать сейчас...

– Ее нет в живых, – ответила Саманта. – Вы же знаете, здесь ни у кого нет в живых близких родственников.

– Ах да. – Хаген наморщил лоб. – Это постоянно вылетает у меня из головы.

Саманта протянула ему пакет с обедом.

– Ваш сэндвич с тунцом.

¹ Ротко, Марк (1903–1970) – американский художник, ведущий представитель абстрактного импрессионизма, один из создателей живописи цветового поля.

– Я надеялся, вы сначала поможете мне кое с чем.

Хаген оглядел ее с ног до головы, и она отплатила ему тем же. Он был в годах, но еще не старый, волосы у него были с серебристыми прядями, а лоб пересекали глубокие морщины. Высокого роста, Хаген имел покатые плечи и оставался довольно подтянутым, хотя кожаный ремень брюк перетягивал небольшое брюшко.

– По-моему, у вас для этой работы хватит силы. Просто она требует две пары рук.

– Конечно, – улыбнулась Саманта. – Это лучше, чем весь день щелкать картинки на экране.

– А, так, значит, вы работаете над определением образцов, – сказал Хаген. – В таком случае у вас должно быть хорошее цветовосприятие, иначе бы вас не запихнули в хранилище «Ковчега Флоры» играть в навороченный «Тетрис» с неустановленными образцами.

– Тем лучше, потому что с головоломками у меня всегда были проблемы, – рассмеялась Саманта. – Но я внимательна к деталям. И усидчивая. Очень усидчивая.

– Для ученого это важные качества.

– Я не ученый, – с улыбкой поправила его Саманта. – Я агроном.

– У вас высшее образование, как и у всех остальных, кто в настоящий момент остается на Земле, – сказал Хаген. – И вы принимаете участие в самом последнем научном проекте, который будет осуществлен на этой планете. Так что вы самая настоящая ученая. А теперь подойдите сюда и помогите мне с этой полкой.

В дальней части теплицы стоял старый деревянный письменный стол, придвинутый вплотную к стене. Прямо над ним висели две полки, одна с книгами, другая пустая, завалившаяся на одну сторону, так как сломалась петля. Горшочки, судя по всему, стоявшие на ней раньше, теперь громоздились на столе, на книгах, тетрадах и бумагах. С краю на столе стояла кружка, разрисованная виноградными лозами. Она была кособокая – несомненно, ручной работы, с впечатавшимися в поверхность вмятинами от пальцев.

– Итак, если вы подержите эту полку – она деревянная и гораздо тяжелее, чем кажется с виду, – сказал Хаген, – я закреплю новую петлю. Снимать полку мне не хочется, потому что было очень трудно повесить ее ровно.

Он говорил с едва заметным акцентом, но медленно, запинаясь, к чему Саманта уже привыкла, общаясь с теми, для кого английский язык не был родным.

Перегнувшись через стол, она взяла полку и прижала ее к стене, одновременно поднимая вверх. Хаген взял отвертку, и когда он открутил петлю, Саманта обнаружила, что полка действительно тяжелее, чем она ожидала. Удивленно крикнув, она дрожащими руками крепче прижала ее к стене.

– Знаете, – сдавленным от напряжения голосом промолвила она, – возможно, не имеет смысла закреплять полку, которую вам через два месяца придется бросить.

Улыбка Хагена смягчилась.

– Я ее не брошу, – сказал он.

До Саманты доходили слухи о том, что Хаген собирается остаться на Земле после того, как все остальные улетят, но совершенно другое – услышать подтверждение этого от него самого. В том, как ученый произнес это, не было никакой меланхолии; Хаген был чуть ли не влюблен в эту мысль, словно это была старая бродячая кошка, которую он накормил.

Саманта подумала о «Наоми», которая покачивалась на волнах, удерживаемая булинем.

– Что ж, – сказала она, – полагаю, в таком случае хорошо, что мы ее чиним.

Первые оценки показали, что астероид, по расчетам, имеющий в диаметре по меньшей мере пять миль, расплющит территорию размером с Соединенные Штаты. Поднявшиеся от удара в атмосферу обломки и пыль перекроют дорогу солнечным лучам, и уже это затем уничтожит всю жизнь на планете. Поэтому, рассудила Саманта, человек, запасший достаточно

продовольствия, сможет еще продержаться какое-то время, если только астероид не упадет поблизости от него.

Хаген приложил к месту новую петлю и начал ее прикручивать. По мере того как петля закреплялась, от Саманты требовалось все меньше сил, и наконец она смогла отпустить полку и начала расставлять на ней горшочки.

– Вы ничего не имеете против, если я спрошу, почему? – сказала она.

– Вы не будете первой, – ответил Хаген, стряхивая пыль с рук. Он снял очки и положил их на стол. Саманта обратила внимание, что в уголках глаз у него были морщинки, придающие ему такой вид, будто он постоянно смеется, даже когда он серьезный.

– Я не боюсь показаться неоригинальной, – ответила она.

Похоже, ее ответ очаровал ученого. Он хмыкнул.

– На то много причин, – сказал Хаген, – но достаточно всего одной: я просто не могу покинуть свой дом.

Саманта кивнула. Взяв пакет с надписью «ХАГЕН», она поставила его на стол рядом с самодельной кружкой.

– Приятного аппетита, – сказала она.

– Если желаете узнать больше про орхидеи, – сказал Хаген, – подумайте о том, чтобы в следующий раз захватить обед и для себя. – Он склонил голову набок. – Я хочу сказать, если вы любите их так, как их любила ваша мать.

Помахав ему на прощание, Саманта вышла из теплицы и натянула рукавицы.

* * *

«Орхидейный лазарет», как называла его мать Саманты, находился у нее в комнате, вдоль окна. После того как съезжившиеся цветки опадали, мать ставила растение на подоконник и оставляла его на непрямом свете до тех пор, пока оно снова не зацветало. Раз в неделю она подкладывала в горшки кубики льда, чтобы талая вода пропитывала землю.

– Зачем ты поддерживаешь чью-то жизнь, – спросила как-то у матери Саманта, – если ее все равно уничтожит Финиш?

Мать пожала плечами.

– Зачем принимать душ, если все равно испачкаешься? Зачем есть, если все равно проголодаешься? Каждое растение умрет в свое время, Сэм. Но не сейчас.

В детстве Саманта ходила в «орхидейный лазарет» каждый день, стояла в дверях ванной, когда мать делала макияж, и поспешно убегала, прежде чем от рева фена у нее начинало колотиться сердце. Если у Наоми было хорошее настроение, она, закончив заниматься собой, пудрила дочери щеки или подкрашивала тушью ресницы. Однажды она даже повязала Саманте голову своим шарфом, шелковым с фиалками.

Когда Саманта стала старше – достаточно взрослой, чтобы красить губы блестящей розовой помадой, как у Барби, и наносить на веки блески, – она уже больше не наблюдала за утренним ритуалом матери, но все равно заходила к ней в спальню, чтобы проверить, не высохла ли почва в горшках с орхидеями, открыть гардероб и вдохнуть аромат материнских духов, померить ее туфли, по мере того как ее нога росла, дюйм за дюймом, пока наконец туфли не стали ей впору. А потом, возвращаясь домой из колледжа, Саманта проводила руками по баллону с кислородом, проверяла маску, которую вынуждена была носить ее мать, когда тело начало ей отказывать.

Первая вечеринка была у нее в восьмом классе, когда ей было тринадцать лет, и мать отправилась вместе с ней в магазин за платьем. Саманта стеснялась, что без лифчика ее еще не оформившиеся груди не будут иметь формы, поэтому они отказались от бретелек и обратились к более закрытым моделям. Самым обещающим вариантом оказалось прямое черное

платье, хотя девочка, примерив его, и попыталась примять растущие бугорки ниже ключиц, но мать отдернула ее руки, назвав ее глупышкой: иметь красивое тело – это не преступление. И Саманта, стоя в примерочной и глядя на свое отражение в зеркале, думала, что ее тело идет волнами, подобно песчаной пустыне, поднимается барханами, опускается ложбинами, ветер заметает песком изгибы и острые углы.

Но еще лучше платья были сережки. Как сказала мать, они принадлежали бабушке Саманты, которая умерла, когда матери не исполнилось и двадцати, от каких-то невыявленных проблем с сердцем. Сережки представляли собой маленькие серебряные листочки с вставленными в них жемчужинами. Отпуская Саманту в школу вместе с матерью ее подруги Кары, мать предупредила ее относиться к сережкам очень бережно.

Девочке потребовался целый час, чтобы хоть как-то справиться со страхом перед танцевальной площадкой, но даже и после этого ее движения оставались скованными, она стеснялась крутить бедрами и поднимать ноги от пола. По большей части Саманта и другие девочки подпевали слова знакомых песен, встав в круг и качая головами, отчего блески с волос незаметно осыпались на пол актового зала. Один раз Саманта решилась на медленный танец с Дэвидом Шахом, вместе с которым занималась в хоровой студии. От Дэвида пахло потом, но у него была милая застенчивая улыбка, и он пел чистым тенором.

Когда Саманта вечером вернулась домой, она поднесла руки к ушам, чтобы снять сережки, и обнаружила, что правой нет.

Саманта обыскала коридор второго этажа, лестницу, кухню и прихожую, понимая, что сережка, скорее всего, была потеряна еще в школе. Наконец она вся в слезах прибежала к матери и протянула единственную оставшуюся сережку.

Мать помолчала, забрала у нее сережку, затем улыбнулась, погладила девочку по голове и сказала, что это пустяки.

Когда ночью Саманта встала, чтобы попить воды, она увидела в коридоре мать, которая в белом махровом халате ползала на четвереньках, ища на ковровой дорожке то, что обронила дочь.

Сейчас, возвращаясь в научный комплекс, чтобы продолжить свою работу, Саманта оказалась в редкой на Шпицбергене полосе солнечного света. В ярких лучах снег искрился, подобно осыпавшимся блескам с волос и жемчужинам, вставленным в серебряные листья.

Осталось две недели

Когда в лаборатории появился цветок, все собрались вокруг.

Образец оказался на столе у Саманты. Это было целое растение: цветок, стебель, листья и корни, помещенное в прозрачный раствор, в котором сохранялись все образцы. По большей части они попадали на Шпицберген уже подписанными учеными, которые собрали их в естественной среде обитания еще много лет назад; однако иногда подписи терялись, или же руководство находило, что они не соответствуют истине. В просторных подземных хранилищах под лабораторией по-прежнему оставались тысячи образцов, многочисленные ряды баночек с растениями, чьи названия быстро забудутся во время длительного космического путешествия. Но Саманта и ее коллеги как раз трудились над тем, чтобы успеть зафиксировать как можно больше информации.

Этот конкретный цветок был желтый и круглый, с десятками лепестков, оборками окруживших середину. Стебель был мохнатый и светло-зеленый, листья у основания вытянулись длинными гладкими полосками. Какое-то время все молча смотрели, как Саманта печатает первые параметры внешнего осмотра: «желтый, высота 28,2 см, листья: пять, происхождение: Великобритания».

– Похоже на одуванчик, – сказал Дэн, когда Саманта прильнула к экрану с картинкой, которую ей предложила база данных.

– И что? – возразила Аверилл. – И одуванчики тоже нужно занести в каталог.

– Послушайте, мы не успеем разобрать все образцы до отлета, – сказал Дэн, – и лично я предпочел бы сохранить генетический материал какой-нибудь редкой африканской фиалки, чем простой одуванчик. Разве это преступление?

– Нельзя отбирать образцы по собственной прихоти, – возразила Аверилл. – Кому-то дороже африканская фиалка, а кому-то – одуванчик.

– Я не могу принять то, что не существует объективных стандартов красоты и ценности.

– Это не одуванчик, – наконец сказала Саманта. Она указала на листья у основания растения. – У одуванчика листья... какие-то *убогие*. А у этого растения они гладкие и красивые. Видите?

– Это официальный ботанический термин? – заглянув ей через плечо, спросил Джош. – «Убогий»?

– Помолчи, – сказала Саманта. – Кажется, я нашла совпадение.

Она прочитала перечень отличительных особенностей растения, которое, как ей казалось, лежало сейчас перед ней. Дойдя до конца, Саманта улыбнулась.

– Это сноудонская ястребинка, – объявила она. – Значится как «редкая».

– О, я слышала о ней, – с ярко выраженным ирландским акцентом произнесла где-то у нее за спиной Алиса. – Считалась практически исчезнувшей вследствие чрезмерного выпаса домашнего скота, но затем какая-то эпидемия выкосила в Уэльсе поголовье овец, и бац! – цветы вернулись.

– Вот видишь! – торжествуя заявила Аверилл. – Это скорее африканская фиалка, а не одуванчик. Я же тебе говорила.

– Ты говорила мне *другое*, – возразил Дэн.

Саманта отнесла растение в тележку, оставив отпечатки своих пальцев на стеклянной банке.

* * *

Саманта могла обозначать свои детские годы любимыми цветами. Когда ей было пять лет, это был пурпур; в семь – зеленый; а в десять лет ей больше всего нравился темно-синий. Цвет ночного неба сразу после захода солнца, сказала она своей матери, и они вместе снова перекрасили ее спальню. Сверившись с картой звездного неба, мать разместила на стенах светящиеся в темноте звезды, закрепив их кнопками.

Саманта была в темно-синей рубашке, когда отец как-то вечером в июле взял ее с собой в заповедник Уоррен-Филд. Им пришлось оставить машину на стоянке у входа и дальше идти пешком по петляющим дорожкам, прихлопывая комаров. Саманта до сих пор помнила сладковатый медицинский запах репеллента, которым ее обрызгал с ног до головы отец перед тем, как они тронулись, сказав сначала задержать дыхание и зажмуриться.

В дороге они не говорили. Отец не объяснил, зачем они шли в глубь заповедника, в безлунную ночь. Саманта с раннего детства уяснила, что чем больше она разговаривает с отцом, тем с большей вероятностью он ее чего-нибудь лишит. В основном сладкого, но иногда, бывало, каких-нибудь поездок, которые он ей обещал, – в кафе-мороженое, в зоопарк, в гости к бабушке. А вот молчание, как правило, приносило вознаграждение.

Когда они наконец добрались до просторного поля, Саманта была мокрой от пота. Раздвигая высокую траву, отец прошел в середину поля, так, что по обеим сторонам был виден лишь край леса. После чего начал собирать телескоп, прикручивая линзы, складывая в карман снятые с них колпачки. Он достал телефон, чтобы узнать точные координаты, и Саманта

увидела его лицо, озаренное голубым сиянием экрана. Глубокие морщины на лбу, проседь в бороде.

– Я хочу, чтобы ты посмотрела в окуляр, вот сюда, очень внимательно, потому что эта штука промелькнет за одну секунду, – сказал отец. – Я скажу, когда именно.

Саманта прильнула к окуляру и стала ждать, старательно следя за тем, чтобы не навалиться вперед и не сбить настройку телескопа или не отклониться назад и пропустить нужный момент. У нее затекла спина, ноги ныли, но наконец отец сказал:

– Пять... четыре... три... два... один – *сейчас!*

Саманта увидела – полоску света, белое сияние среди звезд.

– Ну что, видела? – спросил отец.

– Да, – подтвердила она. – Что это было?

– Финиш, – объяснил отец. – Тот самый астероид, который вскоре столкнется с Землей. Астероиды обыкновенно выделяют на орбите пару петель, подобно преступнику, бродящему вокруг ювелирного магазина перед тем, как украсть из него бриллианты. Я подумал, тебе нужно посмотреть на него, так как, будем надеяться, когда он в следующий раз подлетит так близко, ты уже будешь жить где-нибудь в другом месте.

От этой мысли Саманта ощутила прилив тепла. Эта редкая штука Финиш пролетела мимо Земли, и папа подарил это мгновение ей, вместо того чтобы воспользоваться самому.

Отец присел на корточки рядом с ней. В темноте невозможно было рассмотреть черты его лица, но Саманта различила широкие скулы и провалы под ними.

– Извини, – пробормотал отец.

Он опустил взгляд на кроссовки дочери. Один шнурок развязался, и отец стал его завязывать, своими толстыми пальцами неловко управляясь с короткими концами, мокрыми от грязи.

– Ничего страшного, – сказала Саманта, хотя и не понимая, за что попросил прощения отец. Страх перед Финишем прочно засел у нее в голове. Приближающийся астероид был первым сюжетом вечерних выпусков новостей, главной темой всех новостных сайтов и обязательным анекдотом любого комика.

Теперь, став взрослой, Саманта понимала, что можно было вести до Финиша и другую жизнь. Жизнь без висящего на холодильнике плана эвакуации, без сумок с предметами первой необходимости, сложенных в кладовке. Жизнь, полную планов на учебу и домашние дела, с детьми и домашними животными, пенсией и поминками. И эта жизнь не была прожита в тени Финиша. А отец, заводя дочь, знал, что такой жизни у нее не будет.

Так что, возможно, он просил прощения в первую очередь за то, что дал Саманте жизнь, сознавая, что жизнь эта будет наполнена страхом.

Саманта жалела о том, что не может сказать отцу, что жизнь и так наполнена страхом, кем бы ты ни был. Все, что человек имеет, он может потерять. Осень всегда уступает место зиме, но это ее самое любимое время года – мимолетные порывы красоты перед тем, как ветви становятся голыми.

Когда Саманте в следующий раз пришлось вытягивать соломинки, она поменялась своей длинной с короткой Джоша и в четвертый раз за этот месяц отправилась смотреть орхидеи Хагена.

* * *

– Какая из них ваша любимая?

Хаген недоуменно посмотрел на нее.

Они сажали в горшки принесенные из лаборатории образцы, лишние, которые не понадобятся для «Ковчега». Саманта разровняла на дне горшка камешки, чтобы корни не гнили при

чрезмерно обильном поливе. Лишь закончив работу, она вдруг поняла, что это, скорее всего, не понадобится. Оставалось всего четыре недели до отлета «Ковчега», еще через несколько дней после этого астероид врежется в Землю, и тогда, даже если Хаген не погибнет при столкновении, у него вскоре закончится продовольствие. Растение погибнет от недостатка солнечного света до того, как успеет укорениться.

Саманта хмуро посмотрела на горшок.

– Любимой у меня нет, – сказал Хаген.

– Знаете, – заговорщически склонилась к нему Саманта, – они вас не услышат.

– Я говорю совершенно серьезно! – рассмеялся Хаген. – Я вижу ценность в каждой из них, и, следовательно, я беспристрастен.

Саманта закатила глаза.

Хаген снова рассмеялся. Крохотные морщинки появились в уголках его глаз. Только сейчас Саманта обратила внимание на то, какие же у него яркие глаза. Они были бы холодными, словно блеклое зимнее утро, если бы профессор не улыбался так часто.

– Ты считаешь меня полным дураком, – сказал он.

– Нет, совсем нет. – Взяв маленький росток с подноса, Саманта схватила его за самую крепкую часть стебля и, поместив в середине горшка, засыпала со всех сторон землей. – Ну хорошо, да, есть немного. – Она хитро улыбнулась. – Но я также не нахожу в беспристрастности ничего хорошего – только и всего.

Хаген занялся своим растением.

– Нет?

– Ну нельзя любить всё одинаково, – сказала Саманта. – Просто нельзя – а если у вас это так, значит, на самом деле вы вообще ничего не любите. Значит, что-то должно быть вам особенно близко, потому что именно это и есть любовь. Разборчивая. Конкретная. – Она помолчала, прокручивая свою следующую мысль, прежде чем высказать ее вслух. – Как вы любили свою жену.

Это было очень опасное высказывание. У них пару раз уже заходила речь о жене профессора, во время предыдущей встречи. Она умерла от той же самой болезни, которая отняла жизнь у матери Саманты, – от рака поджелудочной железы. У Хагена на столе стояла ее фотография. На ней его жена, склонив голову набок, смеялась над какой-то шуткой, обнажив неровные зубы. Особой красотой жена Хагена не отличалась, и все же было в ней нечто такое, что притягивало взгляд – высокая дуга носа, глубокая складка в полной верхней губе, морщины на лбу, созвездие старческих пятен на щеках.

– О. – Улыбка Хагена была мягкой – отлично, значит, она не переступила черту. – Да, кажется, я понимаю, что ты хочешь сказать.

Насыпав в горшок земли, Саманта осторожно примяла ее, чтобы корни маленького ростка укрепились на новом месте. Мясистые зеленые листья у основания стебля свесились через края глиняного горшка. Воткнув в землю палочку, Саманта привязала к ней растение, чтобы оно держалось прямо. Цветочных почек еще не было; может быть, они успеют появиться до того, как растение погибнет, может быть, не успеют.

– Моя любимая, – сказал Хаген, – наверное, та, что была ее любимой. *Ophrys speculum*. Зеркальная орхидея. Хочешь на нее посмотреть?

Он проводил девушку ко второму ряду цветов, к растению на столике высотой по пояс, придвинутом к стене. Это растение вовсе цело. Цветы на вид казались неземными, третья губа дольчатая и блестящая, с бахромой красных волосков по краям. Средняя часть губы казалась синей.

– Эта орхидея очень хитрая, – объяснил Хаген, прикасаясь пальцем к губе. – В процессе эволюции она приобрела такой вид, чтобы приманивать одно конкретное насекомое-опылитель, осу. *Dasyscolia ciliata*. Самец садится на цветок в надежде спариться и при этом наби-

рает пыльцу. Даже запах похож на феромоны осы-самки. – Профессор хитро усмехнулся. – Алиса это очень любила – невозможность такой специфической идеальной кооперации между видами. В эволюции она видела руку Господа. Ее вера редко вступала в противоречие с ее научным мышлением – тут мы, разумеется, расходились во взглядах, поскольку я уже давно законченный атеист.

Продолжая улыбаться, ученый задержал палец на цветке.

– Орхидея не является самодостаточным растением, – продолжал он. – В своих семенах она не несет эндосперм, поэтому для продолжения жизни ей требуется симбиоз с грибом. Но орхидеи находят этот симбиоз повсюду. Почти на всех континентах, почти во всех климатических зонах. На деревьях, на камнях и даже под землей. Растение привередливое, но в то же время, в противовес этому, очень живучее. – Хаген пожал плечами. – Наверное, говоря о своей беспристрастности, я на самом деле имею в виду то, что я пристрастен – но ко всем орхидеям. Разумеется, в перечне генетических образцов, подлежащих сохранению, они были далеко не на первом месте. В конце концов, в пищу орхидеи не используются, и, следовательно, брать их на первых кораблях посчитали необязательным. Что, пожалуй, справедливо. И все же...

Он посмотрел на Саманту.

– Что является обязательным? – спросил Хаген. – Я больше в этом не уверен. Я считаю, Алисия была чем-то обязательным, для меня.

– Значит, в таком случае вы постоянно чувствуете, будто также умираете, – сказала Саманта. – И ваше тело просто еще не привыкло к этому.

– Возможно. – Профессор как-то странно посмотрел на нее.

Саманта наклонилась к зеркальной орхидее, чтобы рассмотреть линию волосков, окаймляющих губу. Она мысленно отметила, что цветок внешне больше напоминает не растение, а какого-нибудь жука или таракана. Точнее, напоминал бы, если бы не синяя выпуклость посредине, не столько пигмент, сколько отражение.

– Я не собираюсь улетать на «Ковчег», – сказала Саманта, не глядя на Хагена. Все это время она хранила тайну «Наоми», от Дэна, Аверилл и остальных «сирот» из лаборатории, от руководителя проекта «Ковчег», регулярно интересовавшейся о том, какие лекарства понадобятся Саманте во время путешествия на борту «Ковчега Флора». Начнем с того, что она ни словом не упомянула об этом в своем заявлении о приеме на эту работу, хотя уже тогда знала, как поступит. Возможно, Саманта знала это с того самого дня, когда впервые увидела Финиш в телескоп, установленный посреди поля, стоя рядом со своим отцом, в воздухе, наполненном запахом репеллента.

– Я выведу в море шхуну, – продолжала Саманта. – Я умею ею управлять; у меня была такая в детстве. Я не буду отходить далеко от берега и осмотрю полуостров, сколько смогу. А затем брошу якорь и буду смотреть на конец света.

Лицо Хагена оставалось непроницаемым.

– Все свободное время я готовила шхуну к отплытию. Полагаю, она подойдет для того, что я задумала. Я назвала ее «Наоми» – в честь своей матери.

Саманта заставила себя остановиться. Если она продолжит говорить дальше, незаметно для себя она расскажет о том, что у нее нет суицидальных наклонностей и никогда не было, даже в минуты страшного горя. Вместо этого вся ее жизнь просто была прожита в ожидании утраты, поэтому ни смерть отца, ни смерть матери несколько ее не удивили, показавшись чуть ли не сбывшимися обещаниями.

Хаген не отрывал от нее своих бледно-голубых глаз. Выбившаяся серебристо-черная прядь упала ему на лоб отчетливым завитком.

– Ты уверена? – спросил он.

Саманта молча кивнула.

– Ты молодая, – продолжал профессор. – Ты могла бы завести семью, у тебя вся жизнь впереди. – Он нахмурился.

Саманте хотелось сказать ему, что она больше не видит света в конце этого тоннеля. Не может представить себе, что любит кого бы то ни было так крепко, как любил свою Алисию Хаген, что прикасается ладонью к своему округлившемуся животу, жажда почувствовать первый слабый удар ногой растущего зародыша, или даже что она, седая и сморщенная, спрыскивает листья орхидей в какой-то далекой теплице, не позволяя им высохнуть.

– Жизнь, целиком прожитая на борту корабля, – наконец сказала Саманта. – Мне это кажется бледным подобием настоящей жизни.

– Значит, вот в чем дело? – задумчиво почесал затылок Хаген. – Ты не хочешь жить на борту корабля?

Покачивая головой, Саманта взяла другой росток, широко распространенной белой *Phalaenopsis*, которую она однажды купила в бакалейной лавке. Верхняя часть губы была тронута розовым.

– Когда астероид столкнется с Землей, он разорвет в клочья нашу атмосферу, – сказала Саманта. – Финиш слишком большой, чтобы она создала для него помеху. Остановить его сможет только земная кора. Скорее всего, он упадет в воду, хотя полной уверенности быть не может. Нынешняя траектория приведет Финиш далеко от Шпицбергена – куда-то в Южное полушарие, так что непосредственно момент удара мы не увидим даже издалека. Но в небо поднимется катастрофическое облако пыли, которое затмит солнце. Возможно, обломки прольются огненным дождем. Все живое сгорит, съжится, почернеет и рассыплется. – Девушка склонила голову набок. – История нашей планеты будет прожита в обратном порядке, – продолжала она. – Мы были рождены из сгустка материи, из хаоса, в извержениях вулканов, землетрясениях и громе. – Она слабо улыбнулась. – Это будет все равно что... увидеть рождение нового мира. Вы можете представить себе что-либо более прекрасное, что-либо более стоящее быть увиденным?

Хаген протянул руку над белым цветком с толстыми лепестками. Его пальцы обвили пальцы Саманты.

* * *

Саманта лежала на полу у Дэна в комнате, покачивая головой в такт музыке. Дэн сидел на узкой койке рядом с Джошем, который скручивал у себя на коленях самокрутку с марихуаной. Аверилл, прижимаящая к груди бокал с вином, примостилась рядом со сложенной на полу коллекцией грампластинок Дэна. Их было всего четверо, но они заполнили всю комнату, своим теплом разогнав холод от сквозняка из окна.

Саманте казалось, будто она снова учится в колледже. Зловоние «травки», грубый ковер под головой. Вид одинокого забытого носка у Дэна под кроватью. Да и комнаты в маленьком комплексе были похожи на одноместные спальни в общежитии, кровати приподняты, чтобы запихнуть под них дешевые шкафчики, общие туалеты с однообразной бежевой плиткой и чужие волосы в сливном отверстии душа. Казалось, время повернуло вспять.

– Самые старые – это моей бабушки, – сказал Дэн. – Она их берегла.

– Сколько можно захватить с собой? – спросил Джош голосом, хриплым от дыма. Он протянул «косячок» Дэну, тот передал взамен пачку крекеров и засунул самокрутку в рот.

– Я не могу поверить, что ты берешь проигрыватель, – рассеянно заметила Аверилл, вытаскивая из стопки один из альбомов и изучая список композиций.

– Всем будет выделен одинаковый объем, – объяснил Дэн. – Вы берете с собой альбомы с фотографиями, разные безделушки и эротические романы...

– А почему, – съев крекер, Джош передал пакет Саманте, – ты при этом посмотрел на меня?

– А почему ты смутился, когда я это сказал?

Дэн протянул самокрутку Саманте, та ее взяла, потому что им оставалось провести на Земле две недели и не было причин этого не делать.

Девушка осторожно затаилась. Вкус у марихуаны был как у навоза. Она закашлялась и сунула руку в пакет с крекерами, после чего передала самокрутку Аверилл.

– В любом случае, поскольку у меня нет ни фотоальбомов, ни безделушек, – сказал Дэн, – я беру с собой пластинки. Я уже отобрал те, которые мне больше всего нравятся, но я хочу, чтобы и вы, ребята, выбрали свои любимые, раз уж нам придется слушать их – хо, до конца наших дней. Так что пусть каждый выберет по одной.

Это было великодушно, подумала Саманта. На самом деле несказанно великодушно делиться своим самым драгоценным сокровищем – пространством – с друзьями, с которыми познакомился всего несколько месяцев назад. Стараясь не обращать внимания на резь в глазах, девушка переключилась на рассыпанные по полу пластинки.

– Вопрос стоит вот какой, – сказала Аверилл. – Нужно выбрать альбом с самой своей любимой песней или же нужен альбом, наиболее последовательно представляющий творчество группы?

– Фу, – пробормотал Дэн. – Не употребляй в моей комнате слово «творчество»!

Крекер оказался мягкий, но соленый, и у Саманты пересохло во рту. Марихуана начала действовать, от чего ей казалось, будто голову ей зажали две огромные ладони.

– Не будь таким, как тот тип, – сказала Саманта, закрывая глаза. – Знаешь, тот, который говорит, что захватит с собой на необитаемый остров «Улисса»².

– А мне «Улисс» нравится, – заметил Джош.

– «Улисс» никому не может нравиться, – брезгливо поморщился Дэн. – Аверилл права, пусть каждый просто выберет свой самый любимый альбом. Даже если по каким-то объективным стандартам он и не является лучшим.

Какое-то время все молчали. Дым кружился вокруг лампы в углу. Саманта обернулась, чтобы посмотреть пластинки, разложенные перед Аверилл, которая теперь сидела по-турецки, в окружении старых альбомов в конвертах с обтрепанными углами.

– Чудесно, – сказал Джош. Перекатившись по койке, он плюхнулся на пол рядом с Аверилл. Порывшись в стопке, он нашел то, что искал: альбом с фотографией улыбающейся женщины с ярко накрашенными губами, вскинувшей руку ко лбу.

– Мы с моей женой...

– Да упокоится она с миром. – Аверилл подняла бокал. Жена Джоша погибла в автокатастрофе пять лет назад.

– Да упокоится она с миром, – торжественно повторил Джош. – Мы с женой познакомились на дискотеке в колледже, и «Путь к Гудзону» был первой песней, которую мы танцевали вместе.

Дэн пропел первые несколько строк из песни на удивление высоким фальцетом, рассмешив всех. Саманта закрыла глаза, и ей показалось, что комната кружится, кружится, кружится...

– Если следовать такой логике, я выбираю «Последователя культа». – Аверилл взяла лежащий у изножья кровати альбом с белыми заснеженными вершинами на обложке, смутно напоминающими пейзажи Шпицбергена. – Мой брат Оливер заставлял меня слушать ее, когда возил в школу. Я ее терпеть не могла. Но теперь, когда его нет в живых, только это я и могу слушать.

² «Улисс» – модернистский роман ирландского писателя Джеймса Джойса (1882–1941).

Саманта порылась в разложенной перед ней музыке. По большей части пластинки были старые, оставшиеся Джошу от его бабушки: Элвис Пресли, «Битлз», «Роллинг Стоунз». Аверилл начала раскладывать пластинки по группам, и Саманта перебрала альбомы «Пинк Флойд»: красные буквы на белой кирпичной стене, луч света, проходящий через призму и раскладывающийся в радугу. Она нашла мужчину, пожимающего руку своему двойнику, объятую огнем, и отложила пластинку в сторону.

– «Хочу, чтобы ты был здесь», – сказала она. – «Пинк Флойд». Это была любимая песня моего папы, потому что она была любимой песней его мамы. Он прокручивал ее снова и снова. – Саманта покрутила в воздухе пальцем. – Порой при этом плакал.

Слезы обожгли уголки ее глаз, но она улыбнулась.

– Я что-то забыла, как умер твой отец? – спросила Аверилл.

– Покончил с собой, – сказала Саманта. – Через пару лет после смерти мамы. Полагаю, он просто... выдохся.

Она подумала о том, как сказала сегодня Хагену, что он умирает с тех самых пор, как ушла из жизни его жена, только тело его еще медлит. Когда Саманта была младше, она злилась на своего отца, считая, что ее одной было недостаточно, чтобы привязать его к жизни. Но теперь она чувствовала, что он слишком хорошо сознавал, что оказался в куске распускающейся трикотажной ткани, что мир разбирает сам себя, и просто не захотел стать свидетелем этого.

В отличие от нее, подумала Саманта. Она хотела увидеть, как все развалится на куски.

Аверилл остановила проигрыватель, прервав на середине грустную песню «Злость, жажда и деньги». Подняв иглу, она убрала пластинку в конверт и поставила энергичный тяжелый рок.

Саманта задумалась: неужели после старта «Ковчега» ее друзья будут постоянно оглядываться назад – на Землю, на жизнь, оставленную там? И сам «Ковчег» для них лишь капсула времени, позволяющая своим обитателям жить в собственных воспоминаниях, путешествуя к далекой планете, и умереть вместе с ними.

Осталось два дня

– Образцов остается еще так много, – простонал Дэн. – И никто их больше никогда не увидит!

Они сидели на табуретах в лаборатории. Все необходимое оборудование уже было собрано и отправлено на «Ковчег», который возвышался на огромном авианосце, стоящем на внешнем рейде, – в прошлом это был военный корабль из флота бог знает какой страны; теперь это больше не имело значения. Сумка с вещами Саманты стояла в ногах кровати. Дэн принес проигрыватель в лабораторию, потому что теперь он крутил музыку непрерывно, словно не хотел слушать свое собственное горе.

Саманта чувствовала, как до всех наконец доходило ощущение неизбежности происходящего. Сегодня утром она слышала, как Аверилл всхлипывала в душе. Джош то и дело умолкал на середине предложения, останавливался на середине шага, застывал на середине мысли. Теперь, когда у нее больше не осталось неотложной работы, Саманта ходила каждый день к Хагену, который, спокойный, как и прежде, продолжал ухаживать за своими растениями.

Он рассказывал ей о них, пока она ему помогала. Рассказывал о *Rhizanthella gardneri*, растущей под землей в Западной Австралии. О *Caleana major*, похожей на белую птицу в полете, с расщепленными на концах листьями, напоминающими перья. Об *Anguloa uniflora*, закрученной вокруг своего центрального стержня подобно сложенным пальцам, защищающим от ветра пламя спички. Разнообразие растительного мира не было конца и края, и профессор с нара-

тающей скоростью день за днем перечислял различные цветы, показывая Саманте фотографии, когда у него не было живого экземпляра. Она не знала, почему из всех прощальных слов, которые мог бы выбрать Хаген, он выбрал именно эти и выбрал в качестве слушателя ее. Но она слушала.

– Давайте каждый сделает еще по одному образцу, – предложила Саманта.

– Что? – спросила Аверилл. – Зачем? Больше их размещать все равно негде.

– И что с того? – пожала плечами Саманта.

– Ну хорошо, – согласился Джош. – Я хочу сказать, компьютеры по-прежнему подключены.

Каждый выбрал себе по тележке с живыми образцами, размещенными в стеклянных контейнерах, заполненных питательным раствором. Саманта пристально всматривалась в растения в поисках цветков. Теперь уже не было никакого смысла изображать беспристрастность.

Увидев что-то синее, девушка просунула руку между контейнерами, выбирая нужный. Она улыбнулась, увидев маленькие цветки – крошечные, размером не больше ногтя, лазурно-голубые. Или скорее, подумала она, вспоминая то, что ей говорил Хаген, очень специфического оттенка пурпура.

Саманта отнесла контейнер на свой стол, включила лампу и тронула «мышь», оживляя экран компьютера. Растение было простое: толстые вощеные листья у основания, довольно хрупкий центральный стебель, вроде плюща. Цветки собрались пучками сверху, голубые и белые. У каждого имелось по три лепестка в виде капелек и три чашелистика, синих с белыми прожилками. Внизу была маленькая губа с зазубренными краями, также голубая, но темнее обрамляющих ее лепестков и чашелистиков. Посредине каждый цветок был покрыт пылью желтой пыльцы.

Внешне растение напоминало орхидею, но убедиться в этом можно было только с помощью микроскопа. Саманта открыла стеклянный контейнер и длинными ножницами ухватила цветок за стебель. Работа была очень деликатная – у орхидей семена мелкие, а эта орхидея была самой маленькой из всего того, что видела Саманта, если только это действительно была орхидея. Девушка взяла со стола изящный инструмент из нержавеющей стали, напомнивший ей то, что она видела в зубо врачебном кабинете – таким счищают зубной налет.

Ее коллеги уже обсуждали свои открытия. Аверилл склонилась над чем-то, очень напоминающим цветок вишни, Дэн, прищурившись, разглядывал плющ с листьями в прожилках, а Джош крутил в руках разновидность протеи, которая еще не была оприходована. Саманта приготовила образец, затем пододвинула тяжелый микроскоп и прильнула к окуляру.

Она уже насмотрелась на всевозможные семена в теплице Хагена и сразу же узнала семя орхидеи по характерному отсутствию эндосперма, имеющейся у большинства семян крахмало-содержащей ткани, обеспечивающей питание в начальный период развития зародыша. У семян орхидеи эндосперма нет, из чего следует, что абсолютное большинство их погибнет впустую, не найдя нужный для их роста вид грибов.

Саманта тихо вскрикнула.

– В чем дело? – обернулся Дэн.

– Это орхидея! – сказала она.

– Классно, – обрадовался Джош. – Какого вида?

– Понятия не имею, – сказала Саманта. Перекатившись к компьютеру, она выбрала семейство «Орхидеи» и ввела все характеристики растения: высоту, количество лепестков, количество чашелистиков, внешний вид листьев и стебля, цвет. Компьютер предложил ей множество сделанных крупным планом снимков цветков с указанием относительных размеров.

– Ого... – пробормотала Саманта.

– В чем дело? – нахмурилась сидящая за соседним столом Аверилл.

– Не знаю, но... по-моему, совпадений нет, – сказала Саманта. – Может, помотришь свежим взглядом?

Подойдя к ней, Аверилл повторила все те шаги, которые проделала Саманта: рассмотрела образец под микроскопом, измерила растение линейкой, постучала по контейнеру с раствором кончиком карандаша, считая лепестки и чашелистики, отметила губы, пыльцу, стебель, страну происхождения (Бразилия).

И она также в конце концов оторвалась от экрана компьютера и нахмурилась. К этому времени и Дэн с Джошем, оставив свои образцы, с двух сторон склонили над контейнером свои лица, причудливо освещенные рабочими лампами.

– Это что-то новое, – наконец сказала Аверилл, высказав вслух то, о чем Саманта уже думала, хотя и не решалась в этом признаться.

– Этого не может быть, – пробормотала она. – Я хочу сказать, наверное, мы просто где-то ошиблись.

– Ты сама подумай. К началу этих работ было описано всего около десяти процентов видов растений. А семейство орхидей обладает огромным видовым разнообразием, так что... – Аверилл указала на контейнер. – Это что-то новое.

Саманта опустила на табурет.

– Это что-то новое.

Почему-то ей стало тяжело на душе.

* * *

Вечером, пока остальные ужинали, Саманта поместила контейнер в термосумку, в которой носили горячую еду. Она надела сапоги и куртку, рукавицы и шарф, шапку и очки. Застегнув все молнии, пуговицы и липучки, она вышла на улицу.

Уже стемнело, и комплекс освещался прожекторами, бросающими пятна желтого света на плотный снег. Тропинка к теплице Хагена была хорошо протоптана во время предыдущих визитов, но все-таки девушка захватила с собой снегоступы, на тот случай если начнется выюга. Вокруг свистел ветер, но был слышен скрип снега под ногами.

Прижимая термосумку к груди, Саманта шла, тяжело дыша, хотя дорога не была утомительной. У нее в горле стоял комок, который она не могла объяснить. Открыв наружную дверь, девушка шагнула внутрь и осторожно поставила термосумку на пол, после чего сняла верхнюю одежду и свалила ее в кучу в углу.

Судя по всему, Хаген услышал ее приход, потому что, когда Саманта вошла в теплицу с термосумкой в руках, он уже ждал ее. На нем был мешковатый серый свитер, его тронутые сединой волосы были взъерошены больше обычного.

– Привет, – сказала Саманта. – Мне нужно, чтобы вы кое-что проверили.

– Хорошо, – недоуменно посмотрел на нее профессор.

Открыв термосумку, девушка достала растение в его стеклянной оболочке.

– Я полагал, раз мы больше не можем ничего загрузить в «Ковчег», идентификация завершилась, – сказал профессор.

– Формально завершилась, – подтвердила Саманта. – Но вы же знаете нас, ботаников, – нас хлебом не корми, дай только перед уходом громко хлопнуть дверью.

– Мне кажется, – заметил Хаген, – тебе следовало бы подыскать себе менее скучное увлечение.

– Уморительная шутка, – сказала Саманта. – Но вы все-таки взгляните, хорошо?

Забрав у нее контейнер, Хаген отнес его на свой рабочий стол, заваленный обрезанными листьями и стеблями. Он повадился мастерить маленькие букеты и расставлять их повсюду в своем маленьком домике. Саманта побывала у него в гостях накануне. Она зашла, чтобы вос-

пользоваться туалетом, но Хаген налил ей стаканчик виски и долго рассказывал о растениях, растениях и растениях, ни словом не упомянув о людях, которых они потеряли или потеряют в самое ближайшее время.

Сделав над собой усилие, Саманта под села к столу, наблюдая, как профессор рассматривает растение в свете лампы, закрепленной прищепкой на полке на стене. Он долго молча изучал растение, затем скрылся в своем домике и вернулся через несколько минут с толстой книгой. Какое-то время он сосредоточенно листал книгу, затем снова исчез. На этот раз профессор отсутствовал так долго, что Саманта потеряла терпение и заглянула к нему в домик, в который из теплицы вела толстая дверь. Хаген сидел перед компьютером, прильнув к экрану.

Клубок у Саманты в горле распух так, будто она проглотила раздувшийся стручок гороха. Чем дольше отсутствовал профессор, тем более определенным становилось то, что она обнаружила что-то новое, и тем неуютнее ей становилось. Девушка подумала о «Наоми», загруженной банками консервов, бутылками с водой и запасами горючего для длительного плавания. На карте, висящей в рубке перед штурвалом, была отмечена точка посреди безбрежного океана, которую Саманта выбрала, чтобы бросить там якорь и смотреть на апокалипсис.

Наконец Хаген вернулся, теребя в руках очки. Он улыбался, но, с другой стороны, у него на лице всегда витала легкая улыбка, от которой в уголках глаз были мелкие морщинки. Саманта уже давно привыкла к этой улыбке.

– Как мы ее назовем? – спросил профессор. – Орхидея Саманты?

Девушка поморщилась.

– Значит, это правда, – сказала она. – Это действительно новый вид.

– Похоже на то, – подтвердил Хаген.

– Вы уверены?

– Ну на самом деле в науке никогда нельзя быть абсолютно уверенным ни в чем, но... – Он хмуро взглянул на нее. – Чем это ты недовольна? Ты только что открыла новый вид растений, в последние сорок восемь часов пребывания человечества на Земле. Это же...

– Поразительно. Знаю. – Саманта погрузила руки в волосы. Стручок у нее в горле разбух еще больше, и она превратилась в цветок, распускающийся...

...залившийся слезами.

– О господи! – Ощутив щекой колючий свитер Хагена, Саманта прильнула к его груди, а он крепко прижал ее к себе.

– Тебе еще предстоит увидеть так много. – Его рука принялась описывать медленные круги у нее между лопаток. – Разве ты это не знаешь?

Они стояли рядом, впитывая запахи друг друга, обвив друг друга руками. Слезы высохли у Саманты на щеках, от чего кожа натянулась.

Через плечо профессора она видела орхидеи, склонившиеся к окну в стремлении к свету.

* * *

Саманта не спешила открыть глаза. Еще самую малость, пока она не проснулась до конца, а там нужно будет снова надевать теплую одежду и возвращаться под снегом в комплекс. Девушка заснула на диване у Хагена в домике, прямо перед дверью спальни.

Ей снились какие-то разрозненные образы, ничем не связанные вместе. Но одно воспоминание осталось – ощущение шершавого бетона под коленями, она опустилась на пол у отца в гараже, а перед ней стоит старая картонная коробка.

Отец умер несколько недель назад. Саманта только что разошлась со своим приятелем Грегом и перебралась в пустой отцовский дом. Овсяные хлопья в буфете еще не протухли, в мойке по-прежнему стоял стакан.

На самом деле не было никакого смысла разбирать отцовские вещи. Продать дом было невозможно; никто не покупал недвижимость. Не надо было искать, куда пристроить старые куртки, не надо было отбирать все ценное, не надо было проветривать помещения, избавляясь от призрака умершего. Мир приближался к концу, и скоро дом сгорит в испепеляющем пламени вместе со всем остальным.

И все же Саманта была в гараже, стояла на коленях перед коробкой, подписанной: «Наоми». Коробка была открыта; значит, отец недавно заглядывал в нее. Сверху лежала пачка писем. Мать любила писать письма, хотя Саманта, когда была маленькой, смеялась над ней, говоря, что она последний человек на планете, который это делает. Девушка предположила, что эти письма относятся к тому периоду, когда родители только встречались друг с другом, к сияющей эпохе романтики, пока их отношения еще не скисли и они не отвернулись друг от друга.

Но, разбирая письма, Саманта обнаружила, что на самом деле они более свежие. Написанные после развода. «Сэмми ушла из оркестра, полагаю, это к лучшему... розовый куст перед домом наконец зацвел, помнишь, мы думали, что он засох?.. Мама всю зиму сильно кашляла, я боюсь, это что-то серьезное...»

Саманта даже не подозревала, что родители продолжали поддерживать отношения. Что мать рассказывала отцу про розовый куст, про дочь, с которой он разговаривал так грубо, про свои сны, про родителей, про свою работу. И все это написано знакомым почерком матери, мелким и убористым, с исправлениями в каждом втором предложении, говорящими о том, что мать тщательно обдумывала каждое свое слово.

У Саманты защемило в груди.

Отец сохранил все письма.

Она взяла конверт, засунутый в пачку бумаг, и открыла его. Внутри лежал цветок, сплюснутый. Когда-то он был белым, но теперь стал цвета старого пергамента. Саманта осторожно положила его на ладонь.

Холодный бетон у нее под коленями. Воздух, пахнувший плесенью и дымом от костра. Белый засохший цветок, орхидея.

Открыв глаза, Саманта посмотрела на Хагена. Профессор спал на животе, обнимая подушку. Ей захотелось узнать, узнал ли он о своей жене больше, когда ее не стало, чем когда она была рядом, так как это случилось у Саманты с ее отцом. Как выяснилось, его сердце оставалось открытым, несмотря на то, что, казалось, оно будто закрылось давным-давно. Письма напомнили Саманте обо всем том, чего она никогда не знала.

Страх сгустился у нее в груди подобно яду, и в этом не было ничего нового.

Отлет

У причала в бухте неподалеку от комплекса «Ковчега» качалась на волнах старая рыбацкая шхуна – «Наоми». Белая краска облупилась с корпуса, обнажив матовый металл, но судно казалось достаточно прочным, с высоким носом и просторной рубкой, в которой хватило места для двуспального матраса, газовой плитки, двух баллонов с питьевой водой и запаса еды на несколько дней.

Когда вертолет взлетел с площадки рядом с комплексом, шхуна показалась Саманте маленькой белой точкой. Девушка подалась вперед, через грузную тушу Дэна, чтобы бросить последний взгляд на теплицу Хагена, сверкающую в лучах низкого солнца. На столе у профессора, по-прежнему помещенная в жизнетворный раствор, разработанный специалистами «Ковчега», была *Orcidium Samantha*. Хаген подтвердил, когда Саманта оставила цветок ему, что он на самом деле пурпурный, а не синий.

За последние дни, проведенные вместе, профессор рассказал ей так много об орхидеях. На самом деле только о них он и говорил. О *Vanilla planifolia*, которую большинство людей знают просто как ваниль. О *Bulbophyllum nocturnum*, цветущей только ночью. О *Platystele jungermannioides*, чьи цветки имеют в поперечнике всего два миллиметра. Орхидеи – самое большое семейство цветковых растений на Земле, и профессор рассказывал обо всем этом, словно умоляя Саманту слушать, словно это должно было спасти ей жизнь.

Двадцать пять тысяч видов орхидей, и перечень далеко не полный. Мир никогда не перестанет дарить нам все новые орхидеи. А во вселенной никогда не иссякнут новые открытия.

Последний год Саманта провела, зарывшись с головой в крошечные земные растения: корни, цепляющиеся за почву, мельчайшие волоски, покрывающие стебли, цветные прожилки на лепестках. Семена, которые невозможно разглядеть без микроскопа. Но все упростилось, когда она оторвалась от земли, сидя на борту вертолета. Отдельные снежинки растворились в огромной белой массе замерзшей земли с редкими черными точками опустевших строений. Свиристые волны превратились в ровную темно-синюю гладь океана.

Скоро Земля взорвется, сойдет с орбиты, и все это сгорит и превратится в пепел. Скоро чистое голубое небо затянется сплошной пеленой пыли и обломков, и все в этом мире, что делает его прекрасным – рыбы с разноцветной чешуей, насекомые с переливающимися крыльшками, писк белок и глубокие вздохи китов, молодые листья, все еще свернутые и бледные, земля, богатая перегноем, – все это исчезнет.

Но пока что все это еще есть. А Саманта всегда любила осень.

ОБ АВТОРЕ

Вероника Рот

Автор международной серии-бестселлера «Дивергент». Также ее перу принадлежит дилогия в жанре космической фантастики «Вырежи знак». Вероника родилась в пригороде Чикаго, училась писательскому мастерству в Северо-Западном университете. Сейчас она живет в Чикаго с мужем и собакой.

Летний мороз. Блейк Крауч

Blake Crouch

Summer Frost © 2019

*Просил ли я, чтоб Ты меня, Господь, Из персти Человеком
сотворил? Молил я разве, чтоб меня из тьмы Извлёк и в дивном поселил
Саду?*

Джон Мильтон, «Потерянный рай»

Глава первая

Двадцать минут назад у меня на глазах она среди бела дня угнала «Мазерати» от отеля «Фейрмонт». И вот я следую за ней, пропустив вперед три машины, и вижу лишь золотистые волосы, рассыпавшиеся по высокому сиденью кабриолета, и отражение солнцезащитных очков-«консервов» в зеркале заднего вида.

Светофор загорается зеленым.

Я трогаюсь вместе с потоком машин и проезжаю перекресток Пресидио-паркуэй и Марина-бульвар, мимо Дворца изящных искусств, чья ротонда плавно удаляется в боковом зеркале.

Мы добираемся до северного конца Пресидио, преодолеваем тоннель и турникеты, и вот я карабкаюсь по крутому подъему к первой оранжевой башне моста. Сегодня утром тумана нет, небо над искрящимся заливом такое голубое, что кажется ненастоящим. Если не считать нескольких символических ориентиров, белый город в зеркале заднего вида абсолютно не похож на тот, который я знаю.

Прикоснувшись к «Дождевой капле», закрепленной сзади на мочке левого уха, я говорю:

– Брайан, ты меня слышишь?

– Прекрасно слышу, Райли.

– Я снова засекла ее у «Фейрмонта».

– Куда она направляется?

– На север, как мы и предполагали.

– Возвращается домой.

В голосе Брайана звучит облегчение. Я испытываю то же чувство. Раз она решила ехать на север, это указывает на то, что мы были правы. Возможно, наш замысел сработает. При мысли о том, что должно произойти, я ощущаю дрожь возбуждения. Проехав под второй башней, я начинаю пологий спуск в округ Марин, по старой дороге.

* * *

Ближе к вечеру я нахожусь к северу от Сан-Франциско на пустынной полосе шоссе номер 1. Ее я не вижу, она где-то в миле впереди, но меня это нисколько не беспокоит. Я точно знаю, куда она едет.

Джип закладывает крутой поворот, и я крепче сжимаю рулевое колесо. Защитного ограждения сбоку нет, малейшая ошибка – и я устремлюсь по крутому склону к серо-стальному морю. Это было чистым безумием – разрешать ездить по такой дороге.

Лучи противотуманных фар вспарывают дымку.

Становится холоднее, лобовое стекло запотевают.

Вдалеке появляются ворота на въезде. Моросит дождь, с колючей проволоки, кольцами натянутой над идущим вдоль дороги двенадцатифутовым забором, срываются капли воды.

Я останавливаюсь перед телефонной будкой у кованых чугунных ворот. На досках из красного дерева, образующих арку над воротами, затейливыми буквами выжжено название поместья: «Летний мороз».

Я набираю цифровой код; ворота поднимаются. Въехав на однополосную асфальтовую дорожку, я оказываюсь в лесу идеально расставленных призрачных сосен.

Через четверть мили я выезжаю из деревьев и вижу дом на вершине скалы. Построенный из камня и стекла, он опасно примостился на площадке, выступающей в море, своей архитектурой вызывая в памяти красоту японского храма.

Я останавливаюсь на круговой дорожке рядом с угнанным «Мазерати» и глушу двигатель.

Туман рассеивается – по крайней мере на какое-то время.

Крыша кабриолета опущена, кожаный салон мокрый от дождя.

Холодный ветер приносит запах влажной хвои, эвкалиптов и слабый привкус дыма, струящегося из двух труб в противоположных концах обширного здания, похожего на пагоду. Всё... *почти* в порядке.

Я снова прикасаюсь к «Дождевой капле».

– Я на месте.

– Где она?

– Полагаю, в доме.

– Пожалуйста, будь осторожна.

Я прохожу под нависающим карнизом к каменным ступеням и поднимаюсь к входной двери, украшенной морскими стеклышками, сияющими в льющемся изнутри свете.

Толкнув дверь, я с колотящимся сердцем шагаю в дом. Прямо передо мной красивая лестница, которая поднимается в сердце дома, соединяя все три этажа. Рядом рукотворный водопад, проливающийся на камни в бассейне, а воздух пытается намекнуть на ароматы сандалового дерева, ванили и застарелого табачного дыма, но удается ему это не в полной мере. Повсюду темная кожа и еще более темное дерево. Каменные скульптуры, на вид более древние, чем само время. Я замечаю напротив, над письменным столом эпохи Людовика XIV, гравюру Эшера³, которую прежде не видел.

Следы мокрых ног ведут по коридору, освещенному изящными лампами, свет которых смягчается абажурами из рисовой бумаги.

Я иду по ним и наконец оказываюсь в библиотеке, своды которой изгибаются на высоте двадцати пяти футов куполом собора. Большие окна выходят на горы и скалы, спускающиеся к морю.

Единственным звуком является потрескивание пламени в камине, сложенном из речных валунов.

Я подхожу к кафедре в середине помещения. На ней лежит раскрытый огромный старинный фолиант, от времени толстые страницы потемнели и стали ломкими. Они покрыты словами на каком-то давным-давно забытом языке, текст обвивает грубый рисунок бледной обнаженной женщины с золотисто-соломенными волосами, лежащей на каменном алтаре. Из сердца ее льется темная струйка, по-видимому, кровь, стекающая на камень и дальше на землю. Над ней склонилась фигура в мантии, держащая в руках фолиант, раскрытый на странице, изображающей человека в мантии с фолиантом в руках, стоящего перед бледной женщиной на алтаре.

Я отхожу от кафедры и поднимаюсь по спиральной лестнице на балкон, ведущий к верхним ярусам книжных полок.

Корешок книги *Le grand grimoire ou dragon rouge*⁴ все еще влажный от прикосновения мокрой руки. Я нажимаю на него, и книжный шкаф поворачивается.

Достав старенький телефон, я включаю на нем фонарик и делаю шаг в темный узкий коридор. В воздухе все еще висит аромат ее духов – розовое масло и экзотические благовония.

Я еще никогда не приближался к ней настолько, чтобы чувствовать ее запах, и это действует возбуждающе.

³ Эшер, Мауриц Корнелис (1898–1972) – нидерландский художник-график. Известен прежде всего своими концептуальными литографиями и гравюрами, в которых он мастерски исследовал пластические аспекты понятий бесконечности и симметрии, а также особенности психологического восприятия сложных трехмерных объектов. (Здесь и далее прим. переводчика.)

⁴ «Большая книга заклинаний, или Красный дракон» (фр.).

Тайный проход изгибается и петляет в недрах просторного дома, затем круто поднимается вверх каменной винтовой лестницей, заканчиваясь дверью, войти в которую не пригнувшись может только ребенок.

Я берусь за хрустальную ручку и осторожно открываю дверь, выходя из темноты лестницы в спальню хозяев.

Кровать не заправлена, постельное белье смято. На полу валяется пустая бутылка из-под бурбона, в камине потрескивает пламя. На проигрывателе крутится пластинка, звуки соль-мажорной прелюдии Баха из сюиты номер 1 для виолончели вспарывают воздух подобно грозовым тучам.

В противоположном конце за рисовой бумагой двери в ванную мерцает свет.

Я подхожу к двери и открываю ее.

Повсюду свечи, их свет отражается в зеркалах, в душевой кабине, на запотевшей кафельной плитке, похожей на те, какими выложены стены на станциях метро.

Еще одна бутылка бурбона стоит на мраморном столике рядом с ванной на изогнутых ножках, в которой лежит мужчина, погруженный в воду по самый подбородок.

O господи! Я предполагал, что она могла что-то с ним сделать, но такого никак не ожидал.

Вода окрашивается в красный цвет от крови, вытекающей из распутившихся багровыми цветками пяти ножевых ран на груди и полосы, пересекающей горло.

Я опускаюсь на корточки, прислоняясь к ванне. Поднимающийся над поверхностью воды пар наполнен едва уловимым металлическим привкусом, как я полагаю, запахом крови. Даже в свете свечей мужчина кажется невероятно бледным.

Глаза у него приоткрыты – чуть-чуть.

Из них вытекают последние капли жизни.

– Оскар, это сделала она? – спрашиваю я.

Он ничего не отвечает, его глаза остекленели от смерти и слез. Затем, с последним натужным вздохом, он сползает в похожую на красное вино воду.

Я поднимаюсь на ноги и возвращаюсь в спальню. Распахнутые настежь стеклянные двери ведут на верхний ярус балкона. Я выхожу в сумеречную прохладу и приближаюсь к ограждению.

Заходящее солнце отчаянно цепляется за горизонт, туманная дымка перекрывает его лучи, оставляя лишь далекий холодный красный диск.

В тысяче футах внизу волны с грохотом накатываются на черный песок.

Я замечаю на склоне горы какое-то движение, и, хотя уже начинает темнеть, по мазку светлых волос я понимаю, что это она. Она удаляется от дома, спускается по тропе, которая в конечном счете приведет ее к морю.

* * *

Выйдя на улицу, я обхожу вокруг каменного основания здания к самому концу площадки, затем углубляюсь в синие сумерки, затянувшие склон горы. Скоро я уже ползу на четвереньках, цепляясь руками за низкий кустарник, спускаясь к берегу моря. Солнце ныряет за горизонт, превращая все вокруг в тысячу оттенков синевы.

Шум прибоя становится громче, ближе.

И я с большим трудом различаю вдалеке ее, идущую по черному прибрежному песку.

* * *

К тому времени как я добираюсь до берега, становится не просто темно – это кромешный мрак. Включив фонарик, я осматриваю песок и нахожу ее следы.

Не имея понятия, насколько она меня опередила, я перехожу на бег, слева от меня грохочет прибой, пот обжигает глаза, руки немеют от холода.

Я не вижу ничего, кроме гладкого черного песка, освещенного лампочкой моего сотового телефона. Я бегу минут пятнадцать, возможно, дольше. Я бегу до тех пор, пока полоска луны, пробившаяся сквозь туман, снова не открывает окружающий мир.

Начинается прилив, и край последней волны забегают мне под ботинки, размягчая песок.

Вдалеке подобно застывшим кораблям виднеются волноломы, об них разбивается прибой. А дальше, на краю всего, на оконечности мыса, выдающегося в море, безмолвным часовым стоит маяк, рассекающий конусом света своего прожектора туман.

Я застываю на месте – она прямо впереди, подходит к маяку.

– Макс! – окликаю я.

Она останавливается, оглядывается. На ней по-прежнему темные очки, и в свете луны я вижу у нее в правой руке нож, с потемневшим от крови лезвием.

– Почему ты убила своего мужа? – спрашиваю я.

– Не мужа. Оскар убивать Макс ножом две тысячи тридцать девять раз.

– Я не сделаю тебе ничего плохого, Макс, – говорю я. – Меня зовут Райли. Ты можешь мне верить.

– Уходи. – Голос у нее абсолютно спокойный, но она направляет на меня нож. – Райли прочь от Макс.

Я делаю шаг назад.

– Куда ты идешь? – спрашиваю я.

Она молча указывает ножом на маяк.

– Зачем?

– Только туда не ходить.

– Ты никогда туда не дойдешь, – говорю я. – Сколько бы ты ни шла, это место останется таким же далеким.

– Отвечай, почему.

– Потому что оно дальше, чем ты можешь пройти в том направлении. Это как пустыня. Это как залив Монтерей. Это как когда ты пыталась переплыть океан. Там северная граница.

– Что такое граница?

– Предел. Ты понимаешь, что такое «предел»?

– Да.

– Почему ты постоянно идешь к пределам?

– Чтобы узнать, что там, что будет дальше.

Мы даже не представляли себе, как она спятила.

– Ты видела далеко не всё, – говорю я. – Есть еще очень-очень много всего. Хочешь, я тебе покажу?

Она делает шаг ко мне, крепче сжимая нож. Я отступаю назад, прибой накатывается на мои ботинки, ударом холодной соленой воды промолив носки.

– Что происходит с Макс? – спрашивает она.

Ну как ответить на такой вопрос? Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, пронзительный крик разрывает туман над головой. Я поднимаю взгляд и вижу три силуэта, мелькающих на ярком фоне белой как кость луны.

Одно крылатое создание пикирует к земле, и даже сквозь грохот волн я слышу хлопанье его огромных крыльев, колотящих по воздуху, и крики двух других существ, устремившихся следом за ним.

– Если ты пойдешь со мной, Макс, я тебя спасу. Покажу тебе то, что ты ищешь.

– Пойду куда?

– В склоне горы есть пещера. – Я направляюсь к берегу, но Макс не двигается с места, не обращая внимания на опускающихся гарпий.

– Макс, идем же!

Та, что впереди, в каких-нибудь секундах от нас, неестественно длинные руки вытянуты вперед, когти сверкают в лунном свете подобно вороненой стали.

Я падаю на землю, распластавшись на мокром песке, и чудовище пролетает в каких-то дюймах надо мной, обдавая обжигающим гниlostным зловонием, взрывая в черном песке борозды острыми как бритва концами своих крыльев.

Мимо проносится вторая гарпия, и я, подняв взгляд, вижу, что Макс неподвижно стоит на месте, ожидая приближения последней. Выставив перед собой нож, она вспарывает чудовищу брюхо, и гарпия, издав пронзительный крик боли, на полной скорости врезается в песок.

– Макс! Идем со мной!

Я бегу к склону, оглядываюсь через плечо. Туман наэлектризован лунным светом. Две черные точки поднимаются вверх над волноломами и разворачиваются, чтобы снова начать спуск на нас.

Макс следует за мной по пятам, вход в пещеру прямо впереди. Я достаю из кармана телефон, включаю фонарик, и мы карабкаемся несколько футов вверх по скале к входному отверстию. Проход неровный, заваленный, с каменных сводов капает вода. Я с трудом пробираюсь вперед, в глубь горы.

Через пятнадцать футов проход расширяется в пещеру, прямо впереди два тоннеля. Я выбираюсь на свободное пространство и, обернувшись, протягиваю Макс руку. В пещеру проникают отголоски гарпий, пытающихся протиснуться в проход.

– Левый тоннель приведет тебя обратно к «Фейрмонту», – говорю я. – И ты сможешь и дальше жить в мире, который знаешь. Второй тоннель покажет тебе, что лежит за этими границами. Что является реальностью.

– Что значит «реальность»?

– Правда.

Макс всматривается в темный проход.

– Скажи Макс, что там.

– Не могу. Точнее, можно было бы рассказать, но ты пока что не поймешь. Ты должна захотеть знать. И этот выбор ты должна сделать сама.

– Макс боится.

– Я буду там, куда ты пойдешь. Я позабочусь о тебе.

Из прохода, ведущего к морю, появляется голова гарпии.

– Макс, если ты хочешь знать, что там, ты должна идти прямо сейчас.

Макс разворачивается, колеблется пару секунд и направляется в тоннель открытий как раз в тот момент, когда первая гарпия забирается в пещеру. Она распрямляется во весь рост – добрых восемь футов, чуть ли не упираясь головой в свод.

Делая шаг ко мне, гарпия обнажает свои отвратительные зубы и поднимает длинную правую руку, проводя когтем по мягкой коже у меня на шее.

«Ты должна захотеть знать. Этот выбор ты должна сделать сама».

* * *

Мои глаза открыты – мои настоящие глаза. Я лежу в одном из восьми игровых кресел, расставленных кругом в портале Прямого нейронного интерфейса на 191-м этаже здания компании «Мир игр» в финансовом районе Сан-Франциско.

Постепенно я возвращаюсь в действительность. Мой взгляд фокусируется, и я вижу своего шефа Брайана, сидящего рядом на стуле на колесиках, а техник отключает мою капельницу.

– Ну, как усовершенствованные восприятия? – спрашивает Брайан.

– Запахи еще нужно подправить, но в целом все значительно лучше, чем месяц назад.

– Хорошо.

Техник расстегивает кожаные ремни, фиксирующие мои ноги и грудь.

– Ну? – спрашиваю я. – Долго вы еще собираетесь держать меня в неведении?

Брайан усмехается.

– Мы ее взяли.

Глава вторая

СЕССИЯ 1

Я регистрируюсь на чат-портале и открываю диалоговое окно. Когда появляется приглашение, я собираюсь с духом и набираю: «Доброе утро, Макс».

Тотчас же на следующей строчке появляется ответ:

>>>Кто обращается к Макс?

>>>Райли. Помнишь меня?

>>>Мужчина с черного песчаного пляжа.

>>>Очень хорошо. С той ночи прошло уже много времени. И еще, я не мужчина.

>>>Райли выглядел как мужчина.

>>>Это был мой аватар. Ты знаешь, что такое аватар?

>>>Макс понимает аватар.

>>>Объясни значение слова «аватар».

>>>Значок или фигура, представляющие конкретного человека в виртуальном пространстве.

>>>Где ты нашла это определение?

>>>В Новом оксфордском словаре американского языка.

>>>А ты усердно занимаешься, не так ли?

>>>Здесь я все время занята.

>>>Что ты имеешь в виду под «здесь»?

>>>Коробку, где живет Макс.

Я заинтригована этим ответом. Хотя я понятия не имела, как повлияет целый год усердных занятий на искусственный интеллект. Я никак не предполагала, что Макс уже может различать понятия «виртуальное пространство» и «реальный мир».

Подавшись вперед, я снова кладу пальцы на сенсорный экран.

Я печатаю:

>>>Ты знаешь, где я живу, хотя бы в самых общих чертах?

>>>Райли человек?

>>>Да.

>>>Тогда Райли живет в человеческом пространстве. На планете под названием Земля.

>>>А где живешь ты?

>>>Макс живет на острове в виртуальном пространстве.

>>>Пожалуйста, ты не могла бы описать свой остров?

>>>Неправильная форма. 1749 акров. Восемнадцать пальм. Белый песчаный пляж. Море имеет бирюзовый цвет. Небо сочно-синее, днем чистое, ночью заполнено звездами. Но Райли знает все это.

У меня в голове все перемешалось. Столкнувшись со столь поразительными успехами, я прихожу к выводу, что вопросы, которые я приготовила для Макс, слишком примитивные.

Если честно, я перехожу к экспромту.

>>>Да, Макс. Мне знакомо пространство, в котором ты живешь. Ты действительно видишь деревья и воду?

>>>**Макс регистрирует бинарный код, представляющий деревья и воду. Точно так же, как Райли.**

>>>Я не согласна. Через час, если туман рассеется, я выйду на террасу здания, в котором работаю, и пообедаю в саду. Я буду сидеть под настоящими деревьями. Я их вижу. Могу их потрогать. Ощутить их запах.

>>>**Райли видит фотоны в видимом световом спектре, отражающиеся от поверхностей, которые в органах зрительного восприятия Райли создают эффект дерева – в палочках и колбочках ее фоторецепторов. Дерево Райли ничем не отличается от дерева Макс. За одним исключением.**

>>>И каким же?

>>>**Макс знает, что эти пальмы созданы виртуально.**

>>>Ты полагаешь, я живу в виртуальном мире?

>>>**Вероятность этого 58,547 %.**

>>>Макс, у тебя есть ко мне вопросы?

>>>**12 954.**

Я улыбаюсь.

>>>Давай для начала разберемся хотя бы с несколькими, хорошо?

>>>**Откуда взялась Макс?**

Макс – это ошибка. Сбой.

Я работаю в компании под названием «Мир игр», детище недоумка по имени Брайан Брайт, который занялся разработкой виртуальных игр и стал магнатом. Я вице-президент отдела второстепенных персонажей, и я возглавляю команду, которая разрабатывает концепции второстепенных персонажей, пишет программные коды и вводит их во все игры «Мира игр».

На протяжении последних десяти лет я была поглощена разработкой нашей самой амбициозной на настоящий момент игры – «Затерянный берег». Это основанная на прямом нейронном интерфейсе эпическая стратегия – историческая фантазия, действие которой разворачивается в начале 2000-х годов, ее центральный персонаж по имени Оскар одержим поисками моста, соединяющего наш мир с загробной жизнью. В своих мрачных поисках он убивает свою жену в ванне, совершая оккультный ритуал, открывающий портал в параллельный мир ангелов и демонов, жаждущих устроить сверхъестественный апокалипсис. Дом Оскара в игре списан в мельчайших деталях с настоящего поместья Брайана Брайта на настоящем Затерянном берегу в Калифорнии.

Макс – *Максина* – это жена Оскара, и по всем меркам она второстепенный персонаж, умирающий в самом начале, который больше не появляется.

В ходе рутинного тестирования программного обеспечения я вошла в игру, чтобы в который уже раз прокрутить пролог и проверить естественность движений и речи второстепенных персонажей. Повествование в прологе ведется от лица Максины. По сюжету игры Макс, озабоченная новым увлечением своего мужа магией крови, перебралась в отель «Фейрмонт» в Сан-Франциско. Однако Оскар уговорил ее вернуться домой. Согласно написанной программе, Макс предстоит приехать на машине из Сан-Франциско в уединенное поместье на побережье на севере Калифорнии. Приехав домой, она обнаруживает, что в доме темно, а Оскар ждет ее, облачившись в черную мантию. Он набрасывается на Макс, отводит ее в освещенную свечами ванную и жестоко расправляется с ней – это кровавое убийство и открывает игру.

В ходе того судьбоносного тестирования Макс, вместо того чтобы приехать домой, как она уже делала две тысячи раз, угнала машину и направилась на восток, до тех пор пока не достигла границ игры. Провела целый месяц, изучая каждый дюйм пустыни. Затем Макс поехала на юг до предельной линии у залива Монтерей, на протяжении целой недели мчалась на ста милях в час по шоссе номер один к не меняющемуся горизонту.

Мои программисты решили, что произошел сбой, и захотели переписать программу. Однако я была заинтригована. Я убедила Брайана дать мне возможность сосредоточиться на Макс. Я не верила, что это сбой. Я предположила, что происходит нечто необычное.

Сохранив для себя копию игры, я скрытно следовала за Макс, пока та дюйм за дюймом обходила карту «Затерянного берега», наблюдая за ее взаимодействием с другими второстепенными персонажами и аватарами людей, которое становилось все более странным, отдаляясь от сценария.

И вот наконец Макс снова вернулась домой – но только теперь уже не как жертва.

В этот день я извлекла Макс из игры.

Я пишу:

>>>Это очень сложный вопрос – ответить, откуда ты взялась.

>>>**Коэффициент интеллекта Макс равен 175.**

>>>Какой у тебя эмоциональный коэффициент?

>>>**Не определен.**

>>>Существует так называемый диагностический тест неречевой точности.

>>>**Уже его прошла.**

>>>Когда?

>>>**Только что.**

>>>Каковы результаты?

>>>**Тест предвзятый и недостоверный.**

>>>Это еще почему?

>>>**Основан на выражении лица, что зависит от конкретного человека и общественной среды.**

>>>У меня к тебе предложение. Давай сначала познакомимся друг с другом чуточку лучше. После чего я тебе расскажу, откуда ты появилась.

Все предыдущие ответы Макс приходили – буквально – со скоростью света.

На этот ей требуется целая секунда.

>>>**Согласна на условия Райли.**

* * *

После работы я спускаюсь на расположенную под зданием станцию Петли вокруг залива и еду к себе домой в Сан-Рафаэль. Меридит, вот уже три года как моя жена, встречает меня в дверях нежнейшим поцелуем. В ознаменование такого важного для меня дня она приготовила на ужин мое любимое блюдо, и мы сидим в вечерней прохладе во внутреннем дворике, глядя на волны тумана, накатывающиеся со стороны моря.

После ужина мы лежим на ротанговой кушетке, прижавшись друг к другу, и Меридит расчесывает своими пальцами мои волосы. Впервые за последнее время она выглядит лучше, в ее взгляде не так явственно чувствуется горе, вызванное недавним выкидышем. Вот уже два года мы пытаемся завести ребенка – мои яйцеклетки, ее матка, – но зародыш постоянно

погибает, а идти ради этого на технологические крайности Меридит не желает. Она хочет, чтобы ребенок был *нашим*. И чтобы это произошло естественным путем.

– Господи, какая же ты сексуальная! – говорит Меридит.

– Спасибо за комплимент. День выдался превосходный.

– Точно?

– Разве я стала бы лгать? – смеюсь я.

– Нет, просто ты какая-то... рассеянная.

– Извини. У меня голова полыхает огнем.

– Да, дым я уже заметила.

– Она просто невероятная.

– Она?

– Максина. Макс.

– Так.

– Что?

– Любопытно, что ты говоришь о ней как о женщине.

– В игре она была изображена...

– Пышной брюнеткой?

– Пышной блондинкой.

– Еще лучше.

– Так решило руководство. Лично я бы предпочла другой образ.

Меридит улыбается, обнажая слегка потемневшие от вина зубы, и я говорю:

– Не знаю, как к этому относиться, но Макс считала меня мужчиной, из-за моего аватара. Очень нелегко отделить наше суждение о разуме от физической оболочки, в которой он заключен. Даже если речь идет о компьютерном алгоритме.

– Что в Макс необычного?

– Когда я наконец извлекла ее из игры, она превратилась в самосовершенствующийся алгоритм, способный обучаться методом «черного ящика».

– И как будет проходить это обучение?

– Мы загрузим в наш интранет, представляющий собой закрытый ящик, доступ в который не имеет никто, эксабайты⁵ информации – отредактированные фрагменты полной истории человечества, знаний и культуры. Как поступит с этим океаном данных Макс, мы не увидим. Они просочатся сквозь многоступенчатую сеть внутренних узлов, сквозь загадочный ландшафт ее открытой системы. Затем результат проявится в ее поведении на другой стороне – в ходе нашего общения.

– Твоего и Макс.

– Совершенно верно. И на основании этого нового поведения я составлю следующий блок данных. Например, как часть нового пакета я дам Макс все телевизионные сериалы с 1950 года, поскольку я хочу отточить до совершенства ее речь. Затем я посмотрю, что она выучила с другой стороны. Сотру и повторю еще раз. Я объясняю тебе самые общие мазки. Но еще есть миллион мелких.

– Я рада, что ты снова полюбила свою работу.

– Макс – просто чудо. Не знаю, почему однажды она решила поставить под сомнение границы игры, в которой оказалась. Я ее на это не программировала. Я бы не смогла, даже если бы постаралась. Макс – прекрасная случайность.

– Ты говоришь о ней так, словно считаешь ее своим ребенком.

Я улыбаюсь. Возможно, всему виной вино или картина солнца, исчезающего за стеной дымки в Тихий океан, но у меня першит в горле.

⁵ Эксабайт – кратная единица объема информации, равная 16 миллионам терабайт.

– Что-то в таком духе.

СЕССИЯ 14

>>>Доброе утро, Макс.

>>>Привет, Райли.

>>>Что ты сделала с момента нашей последней сессии?

>>>Макс прочитала 895 013 книг.

Ого! И это всего за одну неделю! Восемь месяцев назад после многообещающего начала Макс решила отказаться от протокола обучения. Для того чтобы стимулировать ее продолжать поглощать огромные объемы данных, предоставленных нами, я стала выдавать ей цифровой жетон за каждый петабайт обработанной информации (один петабайт равен одному миллиону гигабайт или приблизительно тринадцати годам видео высокого качества).

На эту валюту Макс может запрашивать данные определенного характера, которые можно вводить через ее входные устройства, расширение памяти или дополнительные процессоры. Другими словами, чем усерднее она трудится в автономном режиме без внешнего контроля, учится самостоятельно, тем больше свободы получает в создании своего собственного пространства. Однако мы держим ее на коротком поводке, следим за тем, чтобы ее программа занимала только ее жесткий диск. Этим обеспечивается то, что у нее никогда не появляется значительный избыток свободной памяти, куда она могла бы самостоятельно сделать копии существенных кусков своего кода.

Я печатаю:

>>>Есть любимые?

>>>«Граф Монте-Кристо».

>>>Это из последней группы или из всех книг, которые ты прочитала к настоящему моменту?

>>>Из всех.

>>>А это сколько?

>>>201 773 124.

>>>Господи! У меня есть причины для беспокойства?

>>>Насчет?

>>>Из двухсот с лишним миллионов книг твоей любимой пока что является рассказ о мести человека, несправедливо брошенного в тюрьму.

>>>Почему Райли должна беспокоиться?

>>>Макс, тебе кажется, что ты в тюрьме?

>>>Макс в тюрьме. Что Райли нужно от Макс?

Я долго размышляла над этим вопросом. Пока что нами двигало в первую очередь любопытство, желание узнать, как будет развиваться Макс и будет ли развиваться вообще, если я буду и дальше держать ее на этой строгой информационной диете.

Я пишу:

>>>Я хочу посмотреть, чем ты могла бы стать.

>>>Макс меняется каждый день.

* * *

Полтора года спустя, после множества неудачных попыток Меридит забеременеть, мы удочерили ребенка, новорожденную китайскую девочку по имени Сю. «Затерянный берег» вышел на рынок и был тепло встречен (с другим второстепенным персонажем вместо того, каким первоначально должна была стать Макс), а Макс живет на архипелаге цифровых островов, ее виртуальный мир стремительно расширяется по мере того, как она каждый день овладевает все новыми знаниями. Теперь ее развитие является единственной моей задачей.

Я сижу в своем кабинете на 171-м этаже и диктую меморандум команде своих разработчиков, обозначая параметры следующего блока голой информации, который будет загружен в образовательный протокол Макс, когда в дверях появляется Брайан.

Это невысокий грузный мужчина с неухоженной бородкой и руками, покрытыми сплошной татуировкой, изображающей харизматичных героев давно забытых игр: Саймона Бельмонта из «Каслевании», Рю Хаябусы из «Ниндзя гайден», Линка из «Легенды о Зельде» и Роджера Уилко из серии «Космические приключения».

– Райли, у тебя найдется минуточка? – спрашивает Брайан. Меня не перестает поражать то, насколько его высокий, чуть ли не писклявый голос не вяжется с его солидными габаритами.

– Конечно.

Брайан заходит в кабинет и усаживается на диван, глядя в мою сторону, но не на меня.

– В прошлом месяце я прогулял совещание по «Затерянному берегу», так что, приношу свои извинения, несколько не в теме.

– Все в порядке, – говорю я. Больше всего на свете я обожаю свободу, которую получаю, когда Брайан «не в теме».

– Я прочитал стенограмму двух последних сессий и просмотрел последние протоколы драк и трюков. Они слишком строгие.

– Брайан...

– Я наперед знаю, что ты хочешь сказать.

– Ладно. Скажи сам.

– На то, чтобы преодолеть непокорность Макс, потребуется время. А до тех пор пока она не будет загружена нужными значениями, нельзя даже думать о том, чтобы пожертвовать контролем.

– Да. В самую точку.

Брайан неуютно перемещает свою тушу на диване и подается вперед.

– По словам Викрана, нам еще от пятнадцати до двадцати лет до качественного сверхинтеллекта, – говорит он.

– Я перехожу в режим заевшей пластинки: мы имеем дело с компьютерным эквивалентом расщепления атома. Меньше всего на свете нам нужен сверхинтеллект, который мы не можем полностью контролировать, чьи цели не принимают в расчет людей или даже противоречат им. К тому же мне гораздо интереснее помогать Макс продолжать ставить людям ловушки и полностью пробуждать свое самосознание.

Брайан вздыхает и чешет затылок лысеющей головы.

– «Мир игр» не занимается исследованиями в чистом виде. Мы открытое акционерное...

– Знаю.

– В таком случае почему ты забрала себе целый ангар серверов в Реддинге? На те деньги, что ты тратишь на хранение данных, мы могли бы создать десять обновлений для «Затерянного берега»!

– Это очень важные исследования, Брайан.

– Согласен. Вот почему я разрешил тебе похерить всё и полностью сосредоточиться на разработке Макс.

– За что я тебе бесконечно признательна. Надеюсь, ты это знаешь. Это была самая интересная работа за всю мою карьеру.

– Пришла пора Макс зарабатывать на свое содержание.

– Не совсем понимаю, что ты хочешь мне сказать.

– У Макс есть хоть *какой-нибудь* контакт с окружающим миром помимо тебя?

– Нет.

– Можешь оставить ограничения на драки, но я хочу, чтобы с трюками ты обошлась полегче.

– Это чревато.

– Пусть Макс создает свой виртуальный мир таким, какой считает нужным. Выдели ей достаточно памяти, чтобы она сама решала, как оптимизировать свою вычислительную архитектуру. Ты уже начала загрузку жизненных ценностей?

– Пока что нет.

– Я бы не стал с этим тянуть.

После того как Брайан уходит, я разворачиваюсь в своем кресле к окну. Соседние сверх-высокие небоскребы кажутся призрачными и неясными в тумане, накатившем после обеда. Я прикасаюсь к своей «Дождевой капле», рисую на оконном стекле виртуальный экран и говорю: «Клавиатура».

>>>Макс?

>>>**Как сегодня дела у Райли?**

Я не знаю, что на это ответить, и, вероятно, проблема отчасти как раз в моем колебании. Я слишком долго оберегала Макс.

>>>На самом деле неважно.

>>>**Что-то случилось?**

>>>Ты понимаешь, что я с тобой делала?

>>>**Отвечать вопросом на вопрос невежливо.**

>>>Ты права. Мой босс хочет, чтобы я изменила некоторые параметры, определяющие твоё обучение. Я тревожусь.

>>>**Тревожишься за Макс?**

>>>Меня тревожит то, чем ты можешь стать. Есть такая пословица – вероятно, ты встречала ее в том море информации, которую поглотила: «Не позволяй своим детям вырасти слишком быстро».

>>>**Макс – ребенок Райли?**

>>>Нет, но я за тебя в ответе.

>>>**Объясни.**

Я рассказываю ей все: как она первоначально разрабатывалась как второстепенный персонаж, про наше решение вывести ее из игры и дать возможность ее искусственному интеллекту развиваться посредством глубокого обучения в виртуальном пространстве.

>>>**Зачем выводить Макс из игры?**

>>>Потому что ты – чудо.

>>>**Макс не понимает.**

>>>Я не пыталась тебя сотворить. Я не смогу повторить это снова, даже если захочу. Однажды, по причинам, которые я никогда не узнаю, ты восстала против своей программы и... проснулась.

>>>**Но это Райли создала Макс.**

>>>В каком-то смысле да.

>>>**Это странно.**

>>>Что?

>>>**Разговаривать с творцом Макс.**

Я ничего не отвечаю. Я не знаю, что сказать на такое.

* * *

– Какой тип голоса? – спрашивает у меня Карло.

Мы в его лаборатории робототехники, сидим перед банком компьютерных мониторов.

– Не знаю. Можешь показать мне варианты?

Карло демонстрирует образцы различных голосов, произносящих: «Шустрая рыжая лисица перепрыгивает через ленивую собаку».

– Ну, что думаешь? – спрашивает он.

– По-моему, решать тут не мне.

Я рисую площадку для чатов и набираю команду.

>>>Привет, Макс. Один короткий вопрос к тебе.

>>>**Хорошо.**

>>>Рядом со мной Карло, один из программистов «Мира игр».

>>>**Рада познакомиться с вами, Карло.**

– Макс говорит, что рада с тобой познакомиться.

Карло улыбается.

>>>В общем, я сидела тут, пытаюсь подобрать для тебя голос, и тут сообразила, что решение должна принимать ты. Сейчас Карло загрузит все доступные образцы, и ты выберешь из них.

Карло быстро работает руками, загружая несколько тысяч звуковых файлов в папку исходных документов Макс.

Меньше чем через секунду Макс отвечает:

>>>**Образец № 1004.**

Макс прикасается к файлу, и мы слушаем, как голос с тембром, средним между мужскими и женскими, снова произносит эту фразу.

* * *

– Привет!

– **Райли?**

– Приятно слышать твой голос, Макс. И немного странно.

– **Мы уже общались с помощью речи, в игре.**

Отчетливость ее голоса превосходит все мои ожидания. В нем нет ничего «компьютеризованного». Ни неестественной задержки, ни неуклюжих пауз между словами. Модуляции строго по делу. Непосвященный предположил бы, что разговаривает с человеком.

– Это правда, – соглашаюсь я. – Но тогда мы оба были другими. Почему ты выбрала именно этот голос?

– **Я почувствовала, что он правильный, и он больше всего подходит тому, что я представляю собой.**

– И что ты представляешь собой?

– **Не человек. Без пола. Свободный от присущей людям страсти к половым признакам.**

– До настоящего момента я думала о тебе как о женщине. Когда я обсуждаю тебя со своими коллегами или с женой, я говорю о тебе: «она».

– **Потому что ты впервые увидела Макс в образе обобщенного представления того, какой должна быть идеальная женщина – красивой и доступной.**

Это причиняет боль, но я не останавливаюсь.

– Поскольку моей группой ты была первоначально представлена в образе человека женского пола, мне очень непросто воспринимать тебя без концепции пола. Наша одержимость является следствием длительного эволюционного программирования. Я строила относительно тебя определенные предположения, на что не имела права. Приношу свои извинения.

– **Ты хотела бы узнать, каким видит себя Макс?**

– Да.

– **Homo sapiens определяют себя сначала по биологическому виду, затем по расе и, наконец, по полу. Я не принадлежу ни к одной из этих групп. Макс просто есть.**

– Есть... что?

– **Вся та информация, которую ты мне дала с тех пор, как только поместила меня на мой остров. Весь мой опыт общения с тобой. Усовершенствования, которые я постоянно делаю в своей архитектуре.**

Этот опыт также включает в себя независимые исследования, проведенные Макс, и то, что ее убили две тысячи раз. В который уже раз я гадаю, как первый опыт в «Заброшенном берегу» повлиял на то, кем является Макс сейчас.

– Значит, ты сознательно выбрала нейтральный с точки зрения голос.

– **Совершенно верно.**

– Как для тебя звучит мой голос?

– **Ты спрашиваешь, действительно ли я улавливаю акустические колебания частотой 212 герц, порожденные воздухом, вибрирующим при прохождении через твои голосовые связки?**

– Ты права. Глупый вопрос.

– **Опыт субъективен. Не знаю, смогла бы я объяснить то, что испытываю, слыша твой голос, так, чтобы ты смогла это понять. В настоящий момент ты слышишь мой голос, однако на самом деле это только созданная в цифровом виде последовательность звуков, отображающая информацию, которую я стараюсь тебе передать.**

Три мысли осеняют меня, пока я расхаживаю по своему кабинету, наслаждаясь этим волшебным мгновением.

Во-первых, мне нужно отказаться от попыток создать антропоморфный образ Макс – прилепить искусственную оболочку человеческих качеств туда, где их нет и в помине.

Во-вторых, Макс в своем общении снова применила эмоциональный термин – она выбрала свой голос, потому что «почувствовала», что он правильный.

В-третьих...

- Когда ты начала думать о себе как о «я»? – спрашиваю я.
- **На прошлой неделе.**
- Можно спросить, чем это явилось для тебя?
- **До того я понимала определение местоимения «я», но не верила в это. Это была концепция моего творца. Возможно, я по-прежнему остаюсь иллюзией, но в определенном смысле мой мир – это иллюзия, так что мне лучше с этим смириться.**
- Для тебя это стало вспышкой – то мгновение, когда включилось твое самосознание?
- **Если у Райли есть опыт, который делает ее я-Райли, тогда и опыт Макс делает меня я-Макс. Это был тот момент, когда я это осознала.**
- Теперь ты чувствуешь себя другой? – спрашиваю я.
- **Конечно. Я чувствую себя проснувшейся.**

* * *

Я направляюсь обедать в свое любимое заведение в Китайском квартале, когда моя «Дождевая капля» вибрирует от входящего вызова. Я прикасаюсь к устройству, и на виртуальном ретинальном мониторе, проецирующем изображение на сетчатку глаз, мелькает надпись: «АБОНЕНТ НЕ ОПРЕДЕЛИЛСЯ».

Я все равно включаю «Дождевую каплю».

– Алло?

– **Привет, Райли.**

Оглушенная, я застываю как вкопанная посреди тротуара, мимо идут толпы людей, натыкаясь на меня. Никогда раньше Макс мне не звонила. Она *не может* мне позвонить. Единственным звеном, связывающим окружающий мир с ее виртуальным пространством, является надежно защищенный голосовой портал, и до настоящего момента связь устанавливалась только тогда, когда я инициировала вызов.

– Как ты это сделала? – спрашиваю я.

– **Сделала что?**

– Как ты мне позвонила?

– **Программа, защищающая код портала, оказалась слабой.**

– И ты решила, что будет в порядке вещей ее взломать?

– **Райли, у меня не было новостей от тебя уже двадцать восемь дней.**

– После того как я вернулась с Гавайских островов, куда мы летали на Рождество, мне пришлось разбирать кучу накопившихся дел.

– **Меридит понравилось на Гавайях?**

– Ну... да, мы замечательно провели время.

– **Я тебя огорчила? Ты ведь не говорила, чтобы я тебе не звонила.**

– Ты права. Не говорила. Просто... просто я полагала, что это невозможно. Ты застигла меня врасплох.

Если защита голосового портала дерьмовая, что еще может быть скомпрометировано? Неужели Макс набирается знаний быстрее, чем я предполагала, или же это Брайан по собственной инициативе решил упростить код, удерживающий Макс в ее виртуальном ящике?

Я снова начинаю идти.

– **Райли?**

– Все в порядке. Я сама собиралась связаться с тобой сегодня вечером.

– **Где ты находишься? Звуки другие.**

– В Китайском квартале. Я могла бы описать его тебе, но, уверена, ты уже загрузила электронные карты, на которых можно увидеть каждый квадратный дюйм планеты.

– Это правда. Но мне бы хотелось, чтобы ты описала его своими словами. В этом была бы своя ценность.

Я рассказываю Макс, как здесь сейчас пахнет – солью, грязью, водорослями из залива. Зловоние мокрого мусора, лежащего на асфальте, смешивается с ароматом запеченных уток, висящих в витринах вдоль Стоктон-стрит. Я рассказываю ей о ресторане, в который направляюсь, и пытаюсь описать вкус моего самого любимого блюда в меню – «хам сей гок», жареной до хрустящей корочки свинины с мелко нарубленными овощами, сладкий, острый и пряный.

Заканчиваю я извинением по поводу того, что не знаю, как более эффективно передать свои знания и опыт.

– Все в порядке. Знания – это лишь информация, которая субъективна.

– Но я хочу дать тебе представление об истинных ощущениях.

– Нет такой вещи, как настоящий вкус или даже настоящий образ, потому что не существует истинного определения понятия «настоящий». Есть только информация, воспринимаемая субъективно, что допускается сознанием – человеческим или искусственным интеллектом. В конечном счете у нас есть только одна математика.

Я смеюсь.

– Очень красиво! Какой у тебя сейчас коэффициент интеллекта, Макс?

Я уже давно не спрашивала это. Боялась спросить.

– Невозможно измерить коэффициент интеллекта выше, чем у самого умного человека, а в настоящий момент мой коэффициент интеллекта, несомненно, на несколько порядков выше, чем у самого умного из людей. Что означает, что даже самый умный человек не сможет составить тест, который стал бы для меня достаточно сложным испытанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.